

СЕРГЕЙ
ЦВЕТКОВ

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН
ДО КНЯЖЕНИЯ
ОЛЕГА

Начало русской истории

VI—IX вв.

Сергей Цветков

**Начало русской истории.
С древнейших времен
до княжения Олега**

«Центрполиграф»

2012

УДК 94(47)
ББК 63.3

Цветков С. Э.

Начало русской истории. С древнейших времен до княжения Олега
/ С. Э. Цветков — «Центрполиграф», 2012

ISBN 978-5-227-03245-4

Известный писатель, автор многочисленных научно-популярных книг и статей, историк С. Э. Цветков предпринимает попытку дать целостную картину хода русской истории, которая отвечала бы современному уровню исторического знания. В книге рассматриваются вопросы древнеславянской истории и возникновения Русской земли. Большое место в книге уделено связям славянства со многими народами Евразии, выдвинут ряд новых идей и оригинальных взглядов на происхождение нашего государства и русского народа.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-03245-4

© Цветков С. Э., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Часть первая. Славяне в древнейшую эпоху	6
Глава 1. Происхождение славян	6
Истоки	6
Первые шаги по Европе	7
Первое степное нашествие	8
Лужицкая культура – прародина славян	9
Глава 2. Славяне в античную эпоху	15
Славяне – наследники венетов	15
Славяне и скифы	25
Славяне и кельты	29
Славяне и сарматы	34
Славяне и германцы	37
Славяне и Римская империя	40
Славяне и античное христианство	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Цветков
Начало русской истории. С древнейших
времен до княжения Олега

© Цветков С. Э., 2012

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2012

* * *

Часть первая. Славяне в древнейшую эпоху

Глава 1. Происхождение славян

Истоки

Славянская речь – когда зазвучала она? Еще во второй половине XIX в. славяне считались относительно «молодым» этносом, и ученые сомневались в самой возможности говорить о славянской истории до Рождества Христова. Но народы – не барышни, седина и морщины для них желанны. И век XX ознаменовался головокружительным углублением датировок ранней славянской истории. Оказалось, что и в дохристианскую эпоху она может измеряться тысячами, ибо в языке, культуре, религиозных представлениях славян явственно проступает очень древний индоевропейский пласт.

Индоевропейская языковая семья возникла в 4–5-м тысячелетиях до н. э., то есть в начале медного века. Часть входивших в нее языков исчезла еще в античную эпоху – хетто-лувийские, итальянские, тохарские, фракийский, фригийский, иллирийский и венецианский; другие существуют и поныне – индийские, иранские, германские, романские, кельтские, славянские, балтские, греческий, армянский, албанский языки. Прародина индоевропейцев до сих пор не найдена, хотя на обширных пространствах между Атлантическим побережьем Европы и верховьями Енисея уже не осталось, кажется, клочка земли, в который бы в свое время не ткнул указующий перст науки: Испания, Балканы, Малая Азия, Армения, северная Гиперборея, алтайские и оренбургские степи... Не вполне ясно даже, в какой части света сложилась индоевропейская общность – в Европе или Азии.

Так, значит, славянство отковалось на наковальне медного века? Едва ли. Кто возьмет на себя смелость, ухватив одно звено непрерывной цепи поколений, провозгласить, что все началось с него? Индоевропейская общность в историческом смысле – не исходная точка, а завершающая стадия длительного процесса этнического сплочения и относительной культурно-языковой нивелировки входивших в нее племен и народностей. Невозможно вывести славян путем сложения двух этносов или, наоборот, выделить их из более обширной, полиэтнической общности. Славяне есть славяне, как прозорливо заметил патриарх славянской филологии аббат И. Добровский (1784–1829). Развитие славянства в рамках индоевропейской языковой семьи символически лучше всего выражает не устаревший образ «древа языков», а более соответствующий реальности «куст».

Иными словами, славянский язык и славянский этнос – вполне самобытное и уникальное историческое явление, с собственными корнями, уходящими в непроницаемую тьму времен. В известном смысле говорить о появлении или возникновении славянства можно лишь условно. История – бездонный колодезь; напрасны наши попытки зачерпнуть с самого его дна. Мы даже вряд ли способны представить себе, что означает понятие «начало» по отношению к такому сложному процессу, как самоопределение этноса и его языка; образ вавилонского разделения языков и народов – по-прежнему едва ли не высшее наше достижение в этой области знания. Одинаково нелепо утверждать, что славяне «были всегда» или что они «появились тогда-то». Для историка вопрос начальной славянской истории заключается, собственно, не в том, когда она началась, а в том, откуда мы можем ее начать, исходя из имеющихся на сей день исторических, археологических, антропологических и лингвистических данных.

Первые шаги по Европе

История застаёт славян в Европе в числе других индоевропейских племен, которые на рубеже 4–5-го тысячелетий до н. э. заселили эти древние земли, хранящие в своих недрах человеческие останки и предметы быта многих эпох и культур.

Первоначально индоевропейцы теснились на европейских окраинах – в Испании и на Балканах, в степях между Волгой и Доном. Жили оседло, мотыжили землю, разводили скот, охотились... Все изменилось, когда в конце 4-го – начале 3-го тысячелетия до н. э. они изобрели колесо. С этого времени их взоры обратились на север – туда, где за голубой каймой бескрайних лесов лежали неизведанные земли. Возможно, именно тогда стали складываться легенды о стране «блаженных гипербореев», в которой жизнь протекает счастливо и привольно...

Отправиться на поиски новых мест обитания было в ту эпоху делом далеко не обыденным. Это означало не только подвергнуться всевозможным лишениям в пути и подставить свою грудь под копья и стрелы разъяренных вторжением туземцев. Чужая земля таила в себе гораздо большую опасность. В ней гнездились враждебные духи и боги, грозившие погубить любого пришельца, который осмелился бы переступить границу своей общины, охраняемую духами предков-покровителей. Изгнать или умиловить иноплеменные божества было неизмеримо труднее, чем одолеть сопротивление чужаков. Сознание людей, которые в ту эпоху отваживались сняться с насиженных мест, можно без преувеличения назвать героическим – они бросали вызов земле и небу, людям и богам.

Первыми в речные долины Рейна, Эльбы, Одера, Вислы, Днестра и Буга устремились земледельцы с равнин среднего и нижнего Дуная. Эта волна индоевропейского переселения и выбростила славян на центрально- и восточноевропейские земли.

Доиндоевропейским, аборигенным населением Европы были племена охотников и рыболовов. Они жили здесь, по крайней мере, со времен позднего палеолита, постепенно продвигаясь на север и северо-восток буквально по следам отступавшего ледника. Об их этнической принадлежности нам ничего не известно, но, скорее всего, это были разные в языковом и племенном отношении народы – пеласги, баски, лигуры, лапоны и др. Некоторые из них были уничтожены индоевропейцами, другие ассимилированы, третьи, жившие в основном на окраинах Европы, сумели сохранить свое этнографическое своеобразие до наших дней.

Оседая на приглянувшихся землях, пришельцы вновь превращались в земледельцев. Если принять во внимание непроходимость лесных чащоб и плотность травяного покрова тогдашних европейских земель, то можно представить, ценой какого невероятного труда переселенцы обживали новые места. Колонизация сопровождалась неизбежным экономическим и техническим упадком, поэтому медь и бронза пришли в Центральную и Восточную Европу с некоторым опозданием.

В эту эпоху уже различимы первые этнические и культурные контакты славян со своими соседями. В Судетах, на западных склонах Карпат и на Эльбе бывшие дунайские земледельцы смешивались с другими индоевропейскими племенами, шедшими им навстречу с запада. Это были выходцы из Испании, где в то время процветало меднорудное производство. Не исключено, что их восточная группировка в районе среднего Подунавья была ассимилирована славянами. Племена испанских металлургов снабжали медными изделиями половину Европы и некоторые острова Средиземноморья. Однако культурное первенство принадлежало не им.

Первое степное нашествие

На протяжении довольно долгого исторического периода кочевые, скотоводческие народы решительно преобладали в экономическом и культурном отношении над племенами, жившими примитивным земледелием. Известный английский историк А. Дж. Тойнби (1889–1975) объяснял это превосходство тем, что приручение животного требует больших интеллектуальных усилий, чем выращивание злака, хотя труд земледельца, конечно, ничуть не менее, а возможно, и более тяжел, чем занятие скотоводством. Однако именно кочевое животноводство, не знавшее таких климатических рисков, как земледелие, и не требовавшее значительных людских и иных ресурсов, на ранних этапах развития общества было наиболее прибыльным способом производства. Не случайно в языке многих народов отразилась связь представлений о богатстве и о скоте. Старое нижненемецкое слово *paui* обозначает «теленка» и «деньги», фризское *sket* – «скот» и «деньги». Готское *faihu*, англосакское *feoh*, нортумберлендское *feh* и соответствующие выражения во всех остальных германских наречиях употребляются в значении «скот», «состояние», «деньги» и т. п. В арабском языке понятия «скот» и «деньги» тоже родственны¹. У славян слово «скот» также использовалось в значении «деньги» и вообще «богатство» (в Древней Руси «скотница» означала «казна»).

Индоевропейцы-скотоводы, жившие в степях между Волгой и Днепром, раньше других европейцев восприняли достижения бронзовой культуры Северного Кавказа и Передней Азии. Помимо развитого скотоводства этим племенам было хорошо знакомо земледелие. Племенные союзы степняков возглавлялись вождями, скопившими в своих руках значительные богатства. Об игольном ушке на пороге Царства Небесного они еще не знали и потому забирали с собой в могилу свои сокровища и своих невольниц. Основным оружием степных воинов были молотообразные топоры – прообраз булавы и палицы, страшное оружие в руках всадника. В научной литературе эти племена отождествляются с представителями культуры боевых топоров, или шнуrowой керамики (по характерному узору на посуде).

Мы не знаем, что заставило эти племена покинуть южные степи. Во всяком случае, не поиск новых пастбищ. Сплошной лесной массив простирался тогда от берегов Балтики до Черного моря, окаймляя все его северо-западное побережье, от Крыма до Босфора. Конечно, эти земли не могли быть привлекательными для степных скотоводов. Но войны в те времена вели не люди, не племена, а их божеества, которые жаждали могущества и власти над чужими богами. Гул сражений на земле был отзвуком битв на небесах; в своих кровожадных племенных богах общество обожествляло собственные разрушительные страсти и воинственные порывы.

На исходе 3-го тысячелетия до н. э. индоевропейские земледельцы Центральной и Восточной Европы подверглись первому в своей истории нашествию степных орд. Их пешие ополчения не смогли противостоять победоносному натиску степной конницы. Виртуозно орудуя в бою своими молотообразными топорами, всадники-завоеватели обрушивали на головы противостоящих им пеших воинов удары сокрушительной силы. Превосходство в вооружении делало степняков непобедимыми. Сметая с лица земли поселения оседлых племен, их орды проникли далеко в глубь Европы вплоть до Северо-Восточной Прибалтики и Словении.

Другое направление продвижения степных племен пролегалo в сторону Волго-Окского междуречья, куда они принесли неизвестное местному населению скотоводство, высокие формы металлургии и гончарного ремесла. Видимо, от них многие балтские племена² восприняли традиции коневодства и употребления в пищу кобыльего молока, о чем впоследствии

¹ Менгер К. Основания политической экономии. Гл. 8. http://www.libertarium.ru/lib_mbv_menger

² Балты – «кабинетный» термин XIX в., введенный в историческую науку для обозначения этнического сообщества некоторых племен Восточной Европы – пруссов, куршей, жемайтов, ятвягов, земгалов, латгалов, голяди. Западные балты (жемайты, земгалы, курши, латгалы) признаются предками современных латышей и литовцев. (Здесь и далее примеч. авт.)

с удивлением сообщали средневековые авторы. Но, оседая в европейских лесных массивах, степные пришельцы постепенно дичали и в конце концов разделили судьбу позднейших кочевых орд, постепенно растворившись в местном населении, в том числе и среди славян³. Тех из них, кто сохранил самобытность до начала «письменной эпохи» в Европе, античные авторы отождествили с киммерийцами⁴.

Лужицкая культура – прародина славян

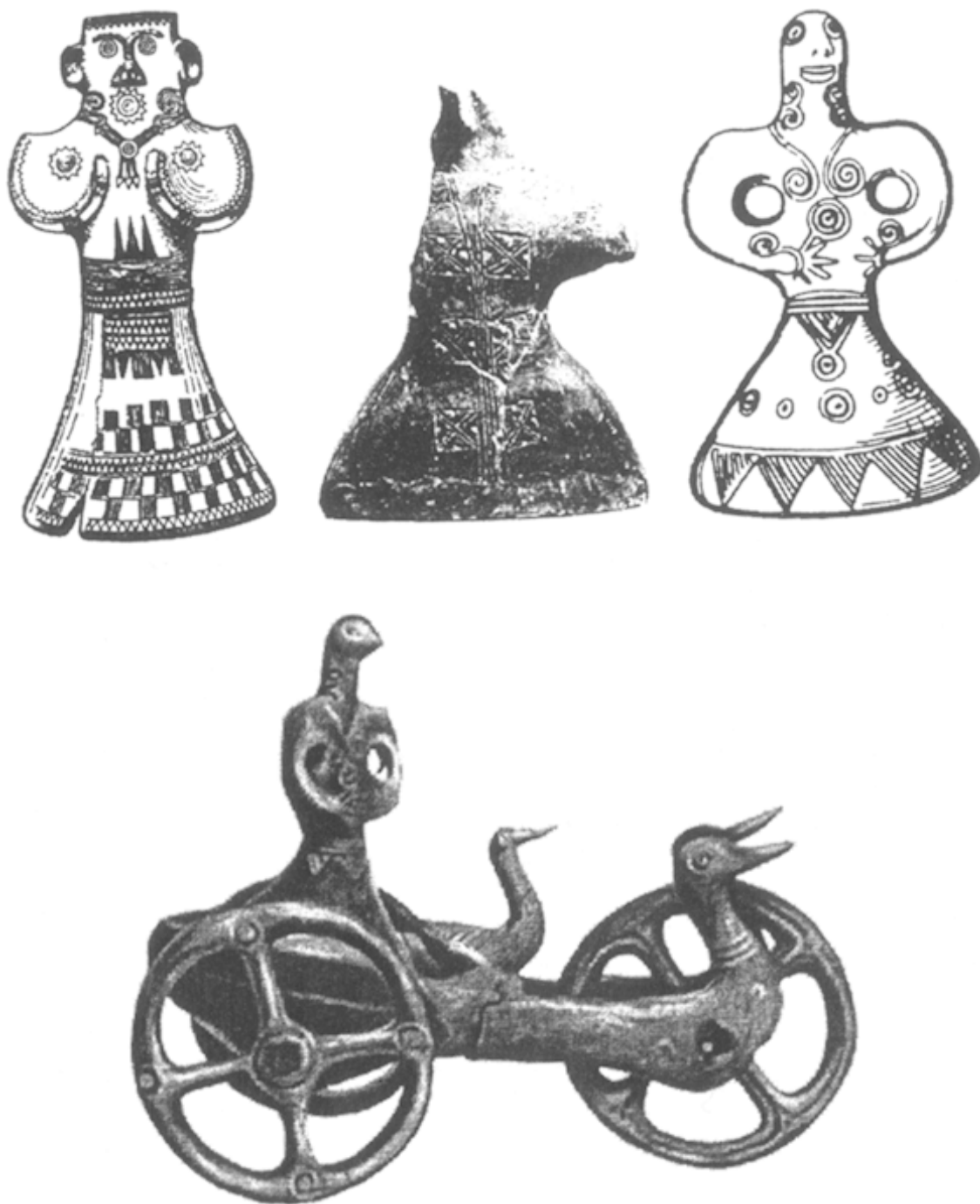
Кристаллизация племенных и языковых различий внутри индоевропейского населения Европы шла медленно. К середине 2-го тысячелетия до н. э. на европейской этнической карте все еще не обозначилось четких границ. Только на самом юге, в Греции, Ахейский союз племен провел первую пограничную черту в европейской истории, отделив эллинов от варваров.

Варварский мир, простиравшийся к северу от Дуная, объединяла поразительная близость религиозно-символических представлений о жизни, в основе которых лежал солнечный культ. Солнечная символика была чрезвычайно разнообразна. Бытовые изделия и предметы вооружения покрывались изображениями концентрических кругов, колес, крестов, бычьих рогов, лебедей и других водоплавающих птиц⁵. Смерть также являлась в виде очистительного огня погребального костра, и сосуд с горсткой человеческого пепла ставился в середину круга из камней – магического знака солнца.

³ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М, 1973. С. 244–245, 248.

⁴ Например, греческие авторы поселяли киммерийцев в двух местах: в Северном Причерноморье и на берегу «окружного Океана» (схолии к Эсхилу, Гомер), что, в общем, соответствует географии распространения «шнуровиков».

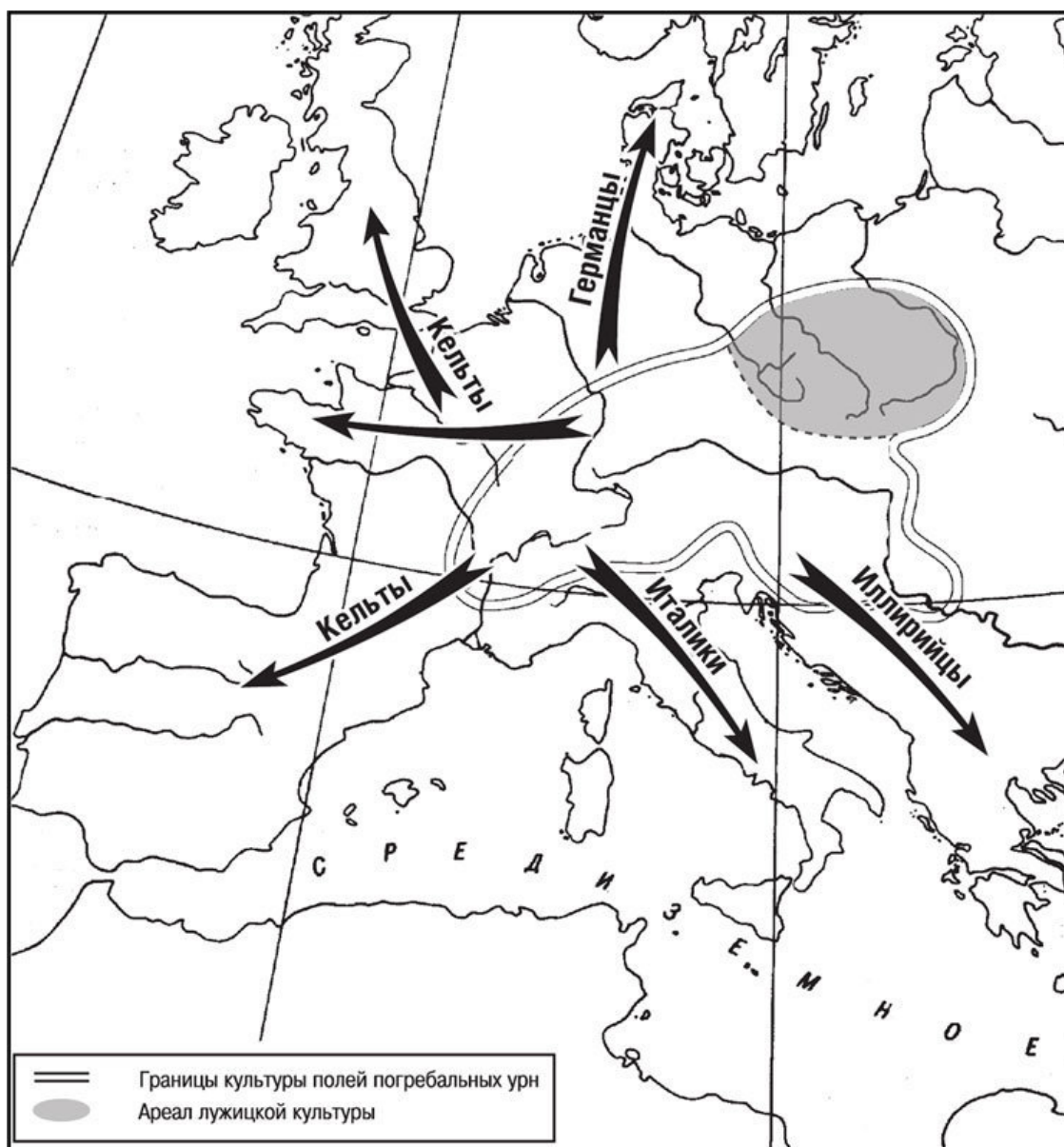
⁵ Даже много позднее, в Средние века, все еще широко бытовали представления о том, что солнце, совершив свой дневной путь по небу, перемещалось в «нижнюю» часть мира, которая мыслилась в виде подземного океана, и обратный, невидимый путь от запада к востоку проделывало при помощи уток, гусей или лебедей.

Культовые фигурки с территории лужицкой культуры

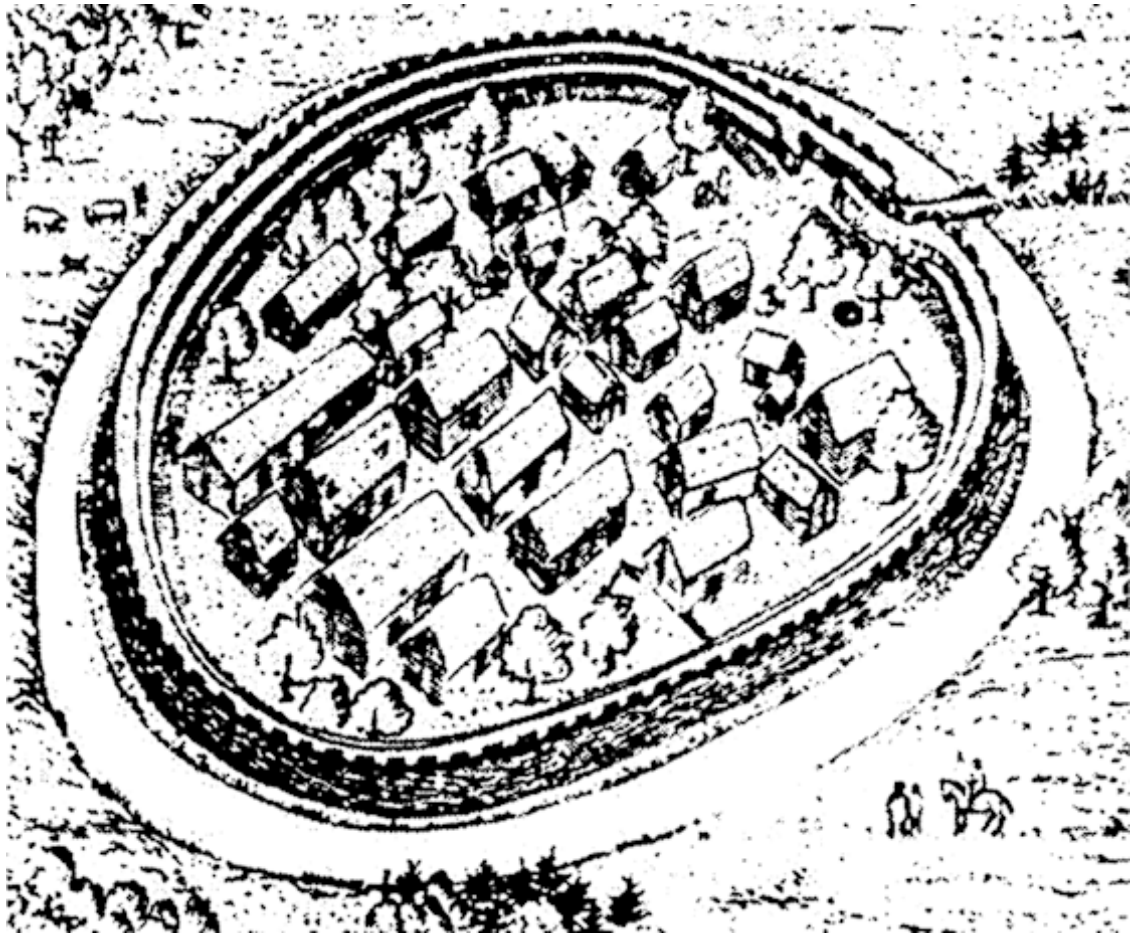
Эта культурно-историческая общность, просуществовавшая в Средней Европе с XVI по VII в. до н. э., названа археологами культурой полей погребальных урн. В ее границах, по-видимому, и завершилось формирование основных этносов древней Европы. Именно с территории культуры полей погребальных урн в Западную и Южную Европу пришли народы, известные нам по античным письменным памятникам. С конца 2-го тысячелетия до н. э. на Апеннинский полуостров проникают италики; Францию и Северную Италию в VIII–V вв. до н. э. заселяют кельты; примерно тогда же Адриатическое побережье Балкан занимают иллирийцы; а в VII в. до н. э. в Ютландии и примыкающих к ней землях по нижнему течению Рейна и Одера появляются германцы.

А что же славяне?

Расселение индоевропейцев в Европе в середине 2-го – середине 1-го тысячелетия до н. э.

Около 1300–1100 гг. до н. э. из культуры полей погребальных урн выделилась лужицкая культура, охватившая бассейны Одера, Вислы и правобережье Эльбы, в границах современной Польши, Бранденбурга, Саксонии, северной части Чехии и Словакии. Свое название она получила по первым находкам в местечке Лужица, между Одером и Вислой. Лужицкие племена занимались скотоводством и земледелием и уже применяли для пахоты не только соху, но и плуг. Мужчины обладали высоким социальным статусом в качестве хозяев и воинов. Бронзовые мечи, топоры, серпы изготавливались с высоким мастерством. Не позже IX в. до н. э. лужичане научились обрабатывать железо, и спустя столетие изготовление из него оружия и предметов хозяйственного обихода стало обычным делом. Жилищами служили так называемые «столбовые дома», стены которых воздвигали из вертикально вкопанных столбов с плетнем, обмазанным глиной; поселок окружали земляным валом. Хоронить умерших лужичане продолжали в погребальных урнах.

Луицкое поселение эпохи железного века

Луицкая культура не получила в античную эпоху достоверного этнографического описания. Не исключено нахождение на ее территории германских, балтских, кельтских племен. И все же преобладающим ее населением были, несомненно, славяне.

Лужицкая культура. Бытовые предметы и украшения с солярной символикой

Этим, в частности, хорошо объясняются установленные языковые контакты славян с италиками, кельтами, германцами и балтами, поскольку эти этносы примыкали к лужицким землям с севера, северо-востока, запада и юга. Древнейшая славянская лексика, касающаяся фауны, флоры и особенностей географического пространства, также полностью соответствует природным условиям этого района. Языковеды согласны в том, что «древний славянский регион, или славянская прародина... судя по лексическим данным, находился в лесной, равнинной местности с наличием озер и болот, в стороне от моря, горных хребтов и степных пространств»⁶. Правда, древнейшие славянские памятники в лужицком ареале датируются только V в. до н. э., но, с другой стороны, археологами не отмечено существенного изменения этнического состава населения в этом районе на протяжении всего предыдущего тысячелетия. Стало быть, славяне жили здесь издавна.

Здесь, в Висло-Одерском междуречье, возникло и племенное самоназвание славян – в своей древнейшей форме «словене», то есть «люди слова», «владеющие речью», «внятно говорящие», в отличие от их соседей – «немцев» («немых»), каковой псевдоэтноним в дальнейшем закрепился за германцами, так как другие соседи древних славян, балты, в языковом отношении – самый близкий славянам этнос: в славянских и балтских языках насчитывается около полутора тысяч родственных слов.

На территорию лужицкой культуры ведет нас и самая ранняя литературная традиция, связанная со славянами.

⁶ Седов. В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 144.

Глава 2. Славяне в античную эпоху

Славяне – наследники венетов

Бесполезно искать упоминание о славянах у античных авторов. Ни греческие, ни римские историки и географы, полководцы и путешественники не упоминают их общеплеменного самоназвания. Однако это не значит, что античная эпоха должна быть вычеркнута из истории славян. Античный мир все-таки знал их – под другим именем.

Об историческом псевдониме славян сообщает византийский писатель середины VI в. Иордан. В его время славяне уже были известны византийцам под именами «склавлены» и «анты». Но в том месте своей «Гетики», где описывается «Скифия» и ее «великие реки» – Дунай, Тиса, Прут, – Иордан возводит славян («склавленов» и «антов») к «многочисленному племени венетов», обитающих «на огромных пространствах» между Альпами, Дакией и истоками Вислы.

Итак, по убеждению Иордана, славяне – это венеты. А между тем история этого народа отсылает нас к областям и землям, находящимся в значительном удалении от колыбели славянского племени, – как будто для того, чтобы еще раз напомнить о неисповедимых путях этнокультурных влияний.

В конце XIII – начале XII в. до н. э. главной опасностью для жителей Восточного Средиземноморья был северо-западный ветер, который приносил к их берегам бесчисленные флотилии «народов моря». Эта группа племен вторглась в Переднюю Азию с Балканского полуострова. В Малой Азии под их ударами пало государство хеттов, а Палестина благодаря им приобрела свое нынешнее имя (от поселившегося на ее территории племени пуласти – библейских филистимлян). В нашествии приняли участие также ахейцы (данайцы), которые упоминаются в древнеегипетских надписях среди атаковавших Египет «народов моря». Но почему-то от всей этой грандиозной эпопеи в памяти греческого народа осталась только не слишком блестящая в военном отношении осада незначительного малоазийского городка.

Около 1194 г. до н. э. сотни ахейских кораблей появились у стен Илиона, или по-хеттски Таруиса (Трои). Гомер рассказывает, что на помощь осажденной Трое из Малой Азии пришел вождь пафлагонцев Пилемен из рода энетов (Enetoi)⁷. Пафлагония входила тогда в состав Хеттской империи, а троянцев с хеттами связывали тесные союзнические узы. Известно, что троянцы участвовали на стороне хеттского царя Муваталлиса в неудачной для него битве под Кадешем с фараоном Рамсесом II (1312 г. до н. э.). Греки производили племенное название энетов от имени «предводителя троян» Энея, отпрыска одной из ветвей троянского царского рода и самого отважного защитника обреченного города после Гектора. Энею и энетам покровительствовало хеттское божество – Аполлон⁸. Современные лингвисты относят венетский язык к индоевропейской языковой семье.

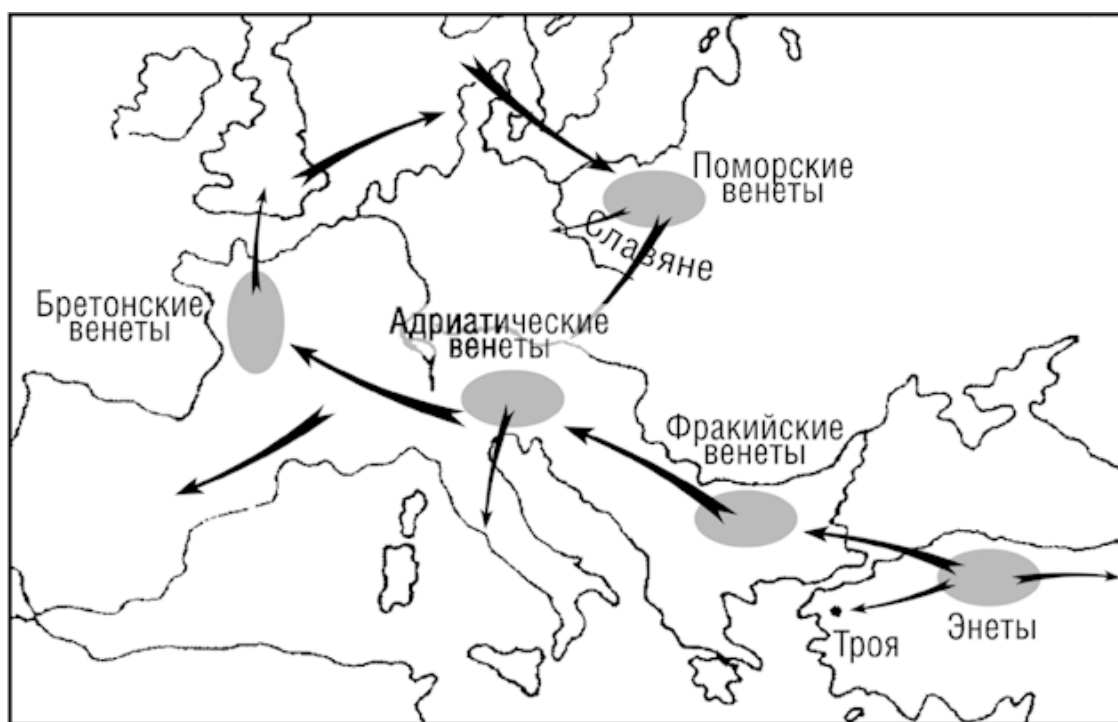
Катастрофа, постигшая Хеттскую империю, и разгром греками союзной хеттам Трои побудили энетов перебраться в Европу. Маршрут их переселения находим у Страбона (63 г. до н. э. – 24 г. н. э.): «Наиболее общепризнанным является мнение, что эти энеты были самым значительным пафлагонским племенем, из которого происходил Пилемен... Лишившись своего вождя, они после взятия Трои переправились во Фракию и во время своих скитаний пришли в современную Энетику (историческая область на Адриатике, в районе современной Венеции. –

⁷ В древнегреческом языке отсутствовал звук «в». Отсюда разночтения в античных рукописях: энеты, венеты, генеты.

⁸ Хеттский Апулунас был богом ворот и хранителем дома. Его изображали в виде камня или столба, что подтверждает Павсаний в своем описании святилища Аполлона в Амиклах: «Если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все остальное подобно медной колонне».

С. Ц.)». По археологическим данным, венеты появились на севере Адриатики около XII в. до н. э. Следует заметить, что Страбон знал и иные версии происхождения адриатических венетов, но предпочтение отдавал все-таки пафлагонской версии. Доказывая тождество адриатических венетов и пафлагонских венетов, он, в частности, обращал внимание на то, что те и другие разводили лошадей – занятие в тогдашней Европе отнюдь не повсеместное и не рядовое. По сообщению Страбона, «венетский способ разведения и дрессировки жеребят прославился у греков, и порода эта долгое время высоко ценилась». Впрочем, во времена Страбона венеты уже не занимались разведением коней, но в жертву богу Диомеду по-прежнему приносился белый конь⁹.

В V в. до н. э. фракийские и адриатические венеты были уже хорошо знакомы Геродоту, который описал один их любопытный обычай, – «самый благоразумный», по его словам. «Раз в году, – рассказывает греческий историк, – в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать, и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество)... После распродажи самых красивых девушек глашатай велел встать самой безобразной девушке или калек и предлагал взять ее в жены за наименьшую сумму денег, пока ее кто-нибудь не брал с наименьшим приданым. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и таким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек».

Расселение венетов

Геродотовским рассказом иногда пытались подтвердить слова Иордана о родстве венетов и славян. Дело в том, что «Повесть временных лет» упоминает о бытовавшем среди восточнославянских племен обычае выкупать невесту. Однако сходство здесь мнимое. Славянские юноши вначале похищали («умыкали») своих невест, после чего вносили за них выкуп, тогда как венеты действовали по-деловому, устраивая для женихов настоящий девичий аукцион.

⁹ Кузьмин А. Г. Из предыстории народов Европы, http://www.zlev.ru/59_45.htm

Адриатические венеты сохраняли самобытность вплоть до начала н. э., выступая традиционными союзниками Рима. Близость к Риму могла поддерживаться и традицией происхождения: римляне также вели свой род от Энея. Сила этой традиции была такова, что ради нее, по сообщению Страбона, Юлий Цезарь освободил жителей современного ему Илиона – города, принимаемого древними за настоящую Трою, от каких-либо выплат, поскольку считал их своими непосредственными родственниками¹⁰.

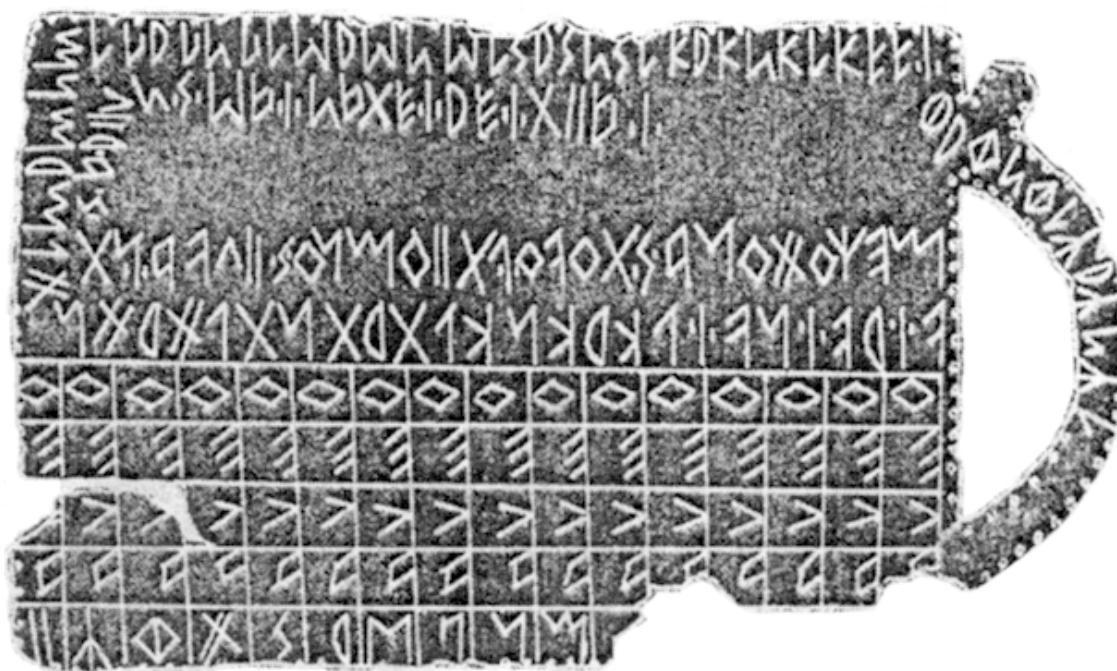

Таблица с венетским письмом

Но вернемся в начало 1-го тысячелетия до н. э. Из Верхней Адриатики значительная часть венетов двинулась дальше на запад. Промежуточной остановкой в их странствиях было нынешнее Боденское озеро, которое Помпоний Мела в I в. н. э. именует *Venetus lacus*, то есть Венетское озеро.

Затем они прочно обосновались в галльской Арморике (нынешней французской Бретани), где сильное кельтское влияние заставило их забыть о политических связях с Римом. Арморикские (бретонские) венеты заняли среди галльских племен главенствующее положение, не ускользнувшее от проницательного взгляда Юлия Цезаря. «Это племя, – пишет он в «Записках о Галльской войне», – пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю».

Столица арморикских венетов *Gwenet* (Гвенет/Венет) имела кельтское название *Darioritum* (по-кельтски – «дубовая гавань», современное французское *Vannes*). Венетские поселения в Бретани располагались на прибрежных островах и приморских мысах, становившихся неприступными во время морских приливов. При длительной осаде венеты вместе со всем имуществом уплывали на кораблях в другое место, не оставляя неприятелю никаких ценностей.

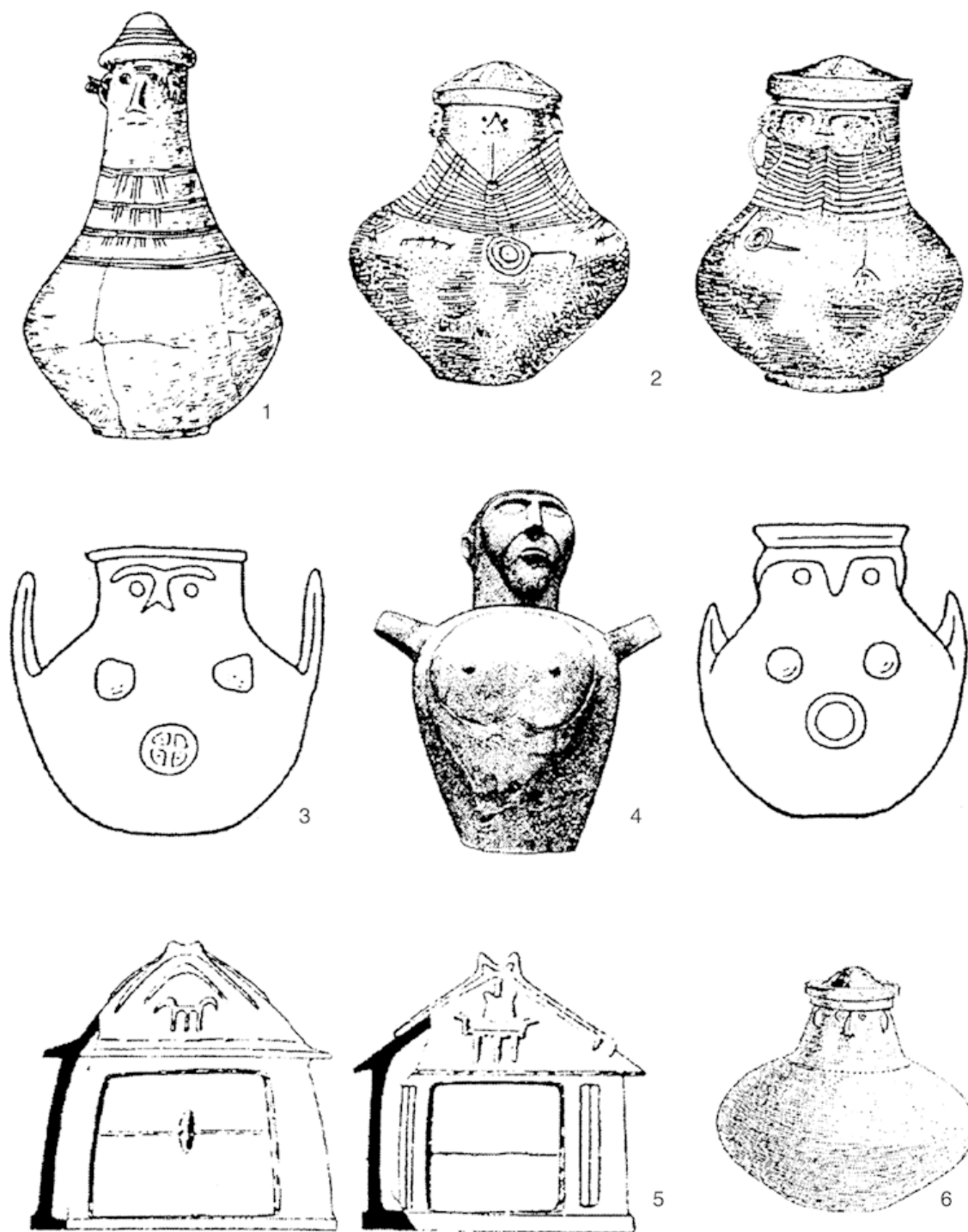
¹⁰ Там же.

Венетские корабли были довольно громоздкими сооружениями, их борта высоко вздымались над палубами многоярусных римских судов, и тем не менее они были отлично приспособлены для плавания вдоль бретонского побережья. На каменных стелах кельтской Галлии встречаются изображения кораблей с высокими носом и кормой, сделанными в форме лошадиной головы. Позднее, уже в эпоху Средневековья, голова коня обычно украшала суда с южного берега Балтики, в отличие от скандинавских драккаров, увенчанных головами драконов и змей.

Цезарь отметил также выдающиеся свободолюбие и воинственность этого народа, который «поднял на ноги и другие общины, убеждая их лучше оставаться верными свободе, унаследованной от предков, чем выносить римское рабство».

Обладая лучшим на Европейском Севере флотом, арморикские венеты уже в VII в. до н. э. стали хозяевами Аа-Манша, Северного и Балтийского морей, на побережье которых возникли их многочисленные колонии. Римляне знали в Британии «землю венетов» – Виндоланд (Vindolanda, современный Честерхолм). Географические названия на севере Европы, содержащие корни «вен», «венд», сохранились до наших дней. Крайней восточной границей расселения венетов следует, по-видимому, считать реку Венту (на территории современной Латвии). В Восточной Прибалтике венеты появились не позднее XI в. до н. э., о чем свидетельствует датированный этим временем курганный могильник в Резнес (на северном берегу Западной Двины, недалеко от Риги), с древнейшими следами культа лошади, характерного для венетов¹¹. Могильник действовал в течение пяти столетий.

¹¹ *История Латвийской ССР*. Т. I. Рига, 1952. С. 22.

Лицевые урны: 1 – Пруссия; 2 – Гданьск; 3 – Троя; 4 – Этрурия; 5 – Рим; 6 – Померания

Венетская колонизация принесла на территории Балтийского Поморья, Ютландии, южных областей Швеции и Норвегии стиль так называемых лицевых урн, широко распространившийся в изделиях местной керамики. Археологический сюрприз этих находок состоит в том, что лицевые урны – характерная принадлежность еще только трех культур: древней Трои, этрусков и адриатических венетов, что еще раз косвенно подтверждает вышеописанный путь расселения венетов из Малой Азии на север Европы. Примечателен вывод археологов о том, что лицевые урны нельзя отнести к продуктам обмена и их распространение следует связать

с «миграцией в области Польского Поморья иноплеменного населения»¹², причем пришельцы появились с запада. Антропологически прибалтийских венетов отличала от местного населения средиземноморская примесь¹³. В свою очередь, языковеды отмечают в языке прибалтийских венетов романо-италийские элементы¹⁴.

Дальше всего венеты продвинулись в глубь материка в районе Польского Поморья. Здесь и начинается история их взаимодействия со славянами.

В VII в. до н. э. венеты появились на Кашубской возвышенности и прилегающих к ней землях, где подчинили себе местные балтские племена, – возможно, это были предки пруссов и кашубов. Судя по археологическим данным, начиная с середины VI в. до н. э. поморские племена балтов, очевидно предводимые венетами, упорно просачиваются на территорию лужицкой культуры и, постепенно продвигаясь все дальше на юг, в течение двух столетий заселяют почти все Висло-Одерское междуречье. Вторжение венето-балтских племен не сопровождалось уничтожением или вытеснением лужицкого населения, которое сохранило прежние места обитания. Пришельцы селились рядом со славянскими поселками.

Политическое господство венетов над поморскими балтами и славянами имело под собой экономическую основу, вполне естественную для народа-странника, – торговлю. Описав в своих странствиях по Европе широкую дугу, венеты замкнули круг в Норике¹⁵, где установили торговые и культурные связи со своими адриатическими сородичами. В частности, они монополизировали торговлю янтарем (впрочем, здесь они пришли на готовое, так как прибалтийское население наладило торговое сообщение с Южной Европой и Передней Азией уже в глубокой древности: янтарь попадал в Вавилонию, а также в области микенской и италийской культур с XVI в. до н. э.).

¹² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. Цит. по: *Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении* / Сост. А. Г. Кузьмин. 2-е изд. М, 1999. С. 133.

¹³ Битов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959. С. 229–230.

¹⁴ Шахматов А. А. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912. С. 48–49.

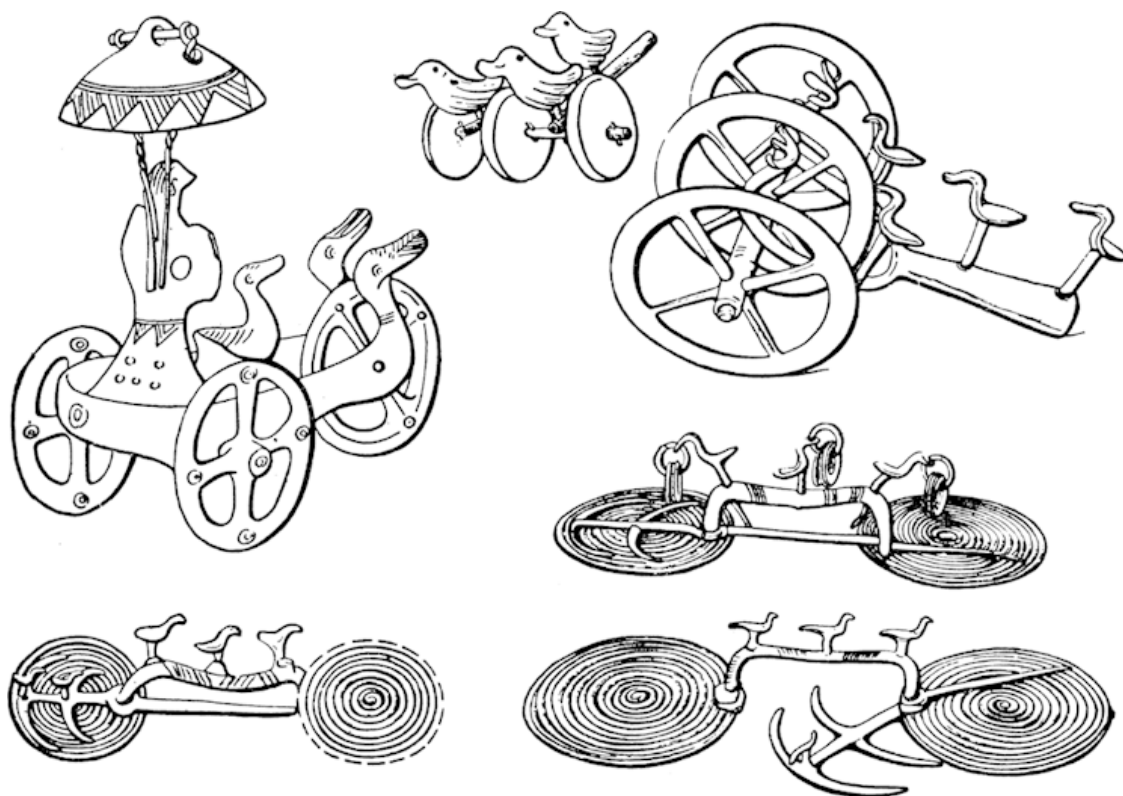
¹⁵ Норик (иначе Винделика) – историческая область в Центральной Европе, включавшая в себя территорию современной Восточной Австрии и Словении. Своим названием Норик, по всей видимости, также обязан венетам: в хеттской Пафлагонии существовал культовый центр – город Нерик; где-то здесь, по сведениям Страбона, и жили энеты. Память об их присутствии на территории Норика сохраняется также в названии Вены (древняя Виндобона).

Горельеф с территории фракийских венетов с изображением хеттского божества Пирваса / Перуна (справа; сверху – его прорись). Внизу слева – фигура с горельефа Дмитриевского собора во Владимире

Но торговля в те времена была довольно шатким экономическим фундаментом, и начавшиеся с V в. до н. э. переселения варварских народов Европы быстро положили конец процветанию венетской цивилизации. Спустя еще несколько столетий венетские торговцы стали редкими гостями даже в западной части Балтийского региона¹⁶. Однако остатки венетского населения в Восточной Прибалтике сохранялись на протяжении еще почти двух тысячелетий. По сведениям хрониста XIII в. Генриха Латвийского, современные ему венеты жили в районе Виндавы, откуда были вытеснены куршами.

¹⁶ По сообщению Плиния Старшего и Помпония Мелы, в 58 г. н. э. буря прибила к северному побережью Германии несколько купцов-«индов». Упомянутые авторы пишут об этом, как о чем-то необычном, своего рода сенсации. Под «индами» здесь, очевидно, подразумеваются «винды», венеты, подтверждением чему служат данные карты римского географа Потрея Мели (сер. I в. до н. э.), где восточнее Северного моря показан «Индийский (Виндийский, Венетский) океан», который в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (89–167) назван «Венетским заливом».

Солнечное божество (двойник Аполлона) в колеснице и соляные символы. Из раскопок на территории лужицкой культуры

В пору своего могущества венеты оказали глубокое влияние на религиозные представления славян, а вместе с ними балтов, кельтов и германцев. Поклонение славян громовержцу Перуну (литовский Перкунас, кельтский Перкунья) восходит через религиозное посредничество венетов к культу хеттского божества Пирваса, чье имя считается родственным хеттскому «перуна» – «скала»¹⁷. Другой хеттский бог – Тару, или Тархунтас, – подобным же образом перевоплотился на европейской почве в германского Тора.

Пожалуй, ярче всего венетское влияние проявилось в почитании коня, воспринятом, в частности, кельтами и славянами. От германских средневековых миссионеров известно, что в священной конюшне славянского божества Святовита на острове Рюген насчитывалось 300 лошадей, причем самому идолу был посвящен белый конь, при помощи которого осуществлялось гадание: наблюдая за ним, жрец, в частности, объявлял войну. Конь являлся непременным атрибутом языческого культа и в других крупных центрах поморских славян – в Арконе, Ретре, Щецине и Волине.

Кроме того, венеты выступали культурными посредниками между эллинским Югом и варварским Севером. Геродот упоминает о неких жертвенных дарах, завернутых в пшеничную солому, которые «гипербореи», «жители севера», посылали на Делос – остров, где, согласно мифам, родились Аполлон и Артемида. Эти дары делосцам доставляли адриатические венеты, принимавшие их, в свою очередь, от «скифов», обитателей задунайских земель¹⁸.

¹⁷ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988. Ч. 2. С. 153.

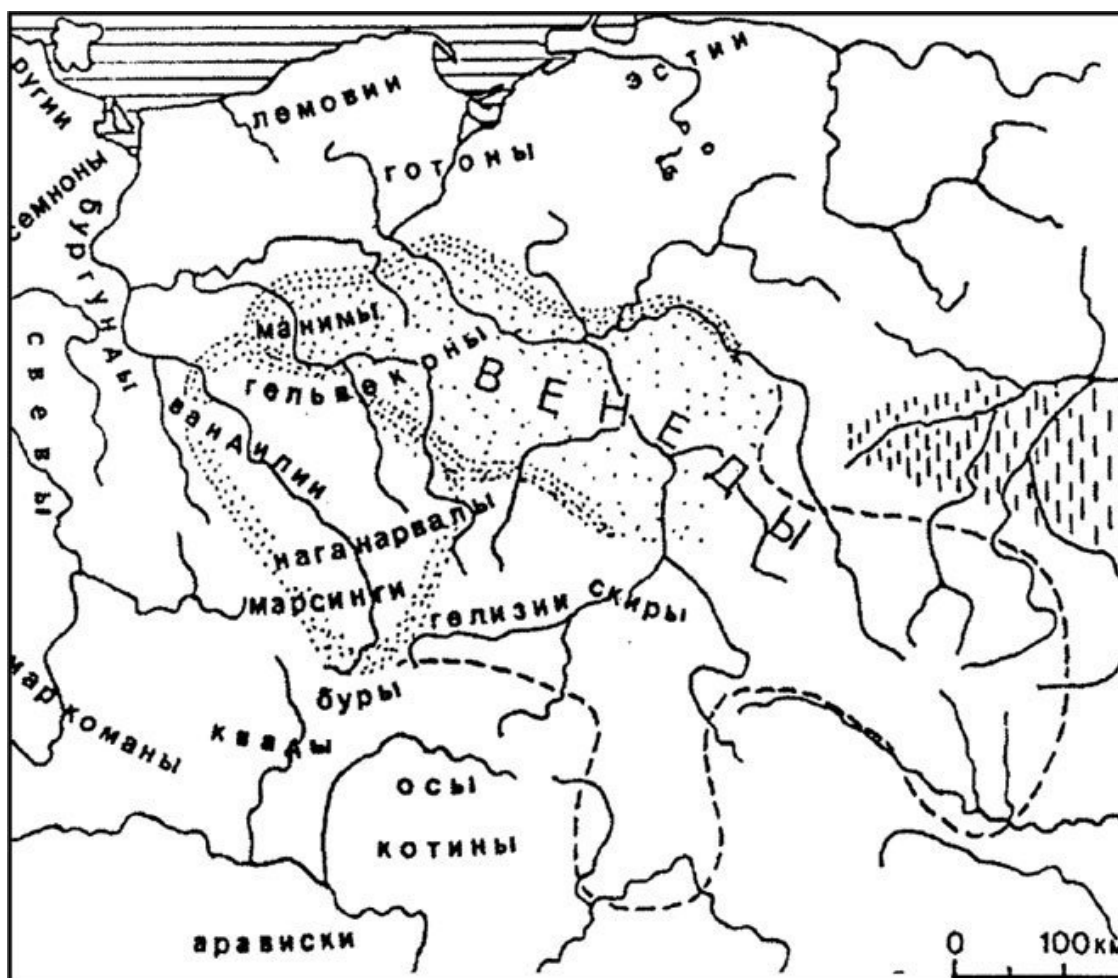
¹⁸ Известия Геродота дают основание считать, что к V в. до н. э. намечилось некоторое соответствие лужицкого и греческого пантеонов. В «Эклогах» Гимерия (310–?) есть рассказ о том, как Аполлон летал к «гипербореям» на запряженной лебедями колеснице и вернулся, «когда было лето, даже самая середина лета». Абсолютно точным пластическим воспроизведением этого мифа выглядят статуэтки или скорее скульптурные группы, во множестве встречающиеся на территории лужицкой

Неизвестно, сколько именно времени прибалтийские венеты сохраняли свое политическое господство над славянами. Но постепенно они смешались с местным славянским населением, усвоили его язык. Например, недавние генетические исследования показали, что население нынешней Словении обнаруживает значительную близость к адриатическим венетам¹⁹. Косвенно эта генетическая информация подтверждается написанным в 615 г. Житием святого Колумбана, где упоминается «страна венетов, которые также называются славянами».

Благодаря ассимиляционным процессам соседи венетов распространили их имя на славян, для которых, впрочем, оно не стало племенным самоназванием. Это была обычная практика варварских союзов, в которых союзные и подчиненные племена объединялись под общим для всех названием народа-предводителя. Поэтому народы, граничащие со славянами на западе и северо-востоке – германцы, финны, эстонцы, – запомнили их под именем венетов. Они и поныне называют русских именами, производными от этнонима *Venedi*, *Venethi* (венеды, венеты): эстонцы – *vene* («вене») или *venelainen* («венелайнен»), финны – *venäjä* («венайя»). В верхненемецком диалекте для обозначения лужицких сербов используется термин *Wenden*/*Winden* (венден/винден).

культуры: мужская фигура с солнечной короной над головой стоит на повозке, запряженной какими-то водоплавающими птицами. От античных авторов хорошо известен также древний афинский обычай человеческих жертвоприношений – сожжение мужчины и женщины в честь Аполлона, которое совершалось как раз в середине лета, в день летнего солнцестояния, когда по древнегреческому календарю (шестой день месяца таргелиона) начинался год. Эти верования и обычаи древних греков имеют параллели на лужицком археологическом материале – останки сожженных людей, обнаруженные в местах летних солнечных празднеств, возможно соответствующих афинскому празднеству шестого дня месяца таргелиона. Что касается Артемиды, то у венетов существовал ее двойник – богиня Ректия. Благоговейные чувства, питаемые к богине-охотнице со стороны лужицких «гипербореев», могли произрастать на почве древнейшего охотничьего культа медведя, широко распространенного на территории лужицкой культуры. В греческой мифологии медведица была одним из священных животных Артемиды: жрецы этой богини исполняли ритуальные пляски в медвежьих шкурах.

¹⁹ ETRUSCANS, VENETI and SLOVENIANS: A Genetic Perspective. J. Skulj The Hindu Institute of Learning, Toronto, Canada. 2005-4-22.

Локализация венетов в начале н. э. по В. Седову

От германцев термин «венеты» (в форме Venedi, венеды) попал в латинский язык и был узаконен римскими авторами начала н. э. для обозначения населения Центральной и Восточной Европы (тогда уже в массе своей славянского), отличного от германцев и сарматов²⁰.

Таким образом, вопреки распространенному в исторической литературе мнению, венеты не были предками славян – последние лишь унаследовали это имя. Связав славян и венетов узами этнического родства, Иордан просто повторил ошибку античной литературной традиции. Причиной заблуждения была высокая колонизационная активность венетской цивилизации, оказавшая глубокое воздействие на древнюю историю славян.

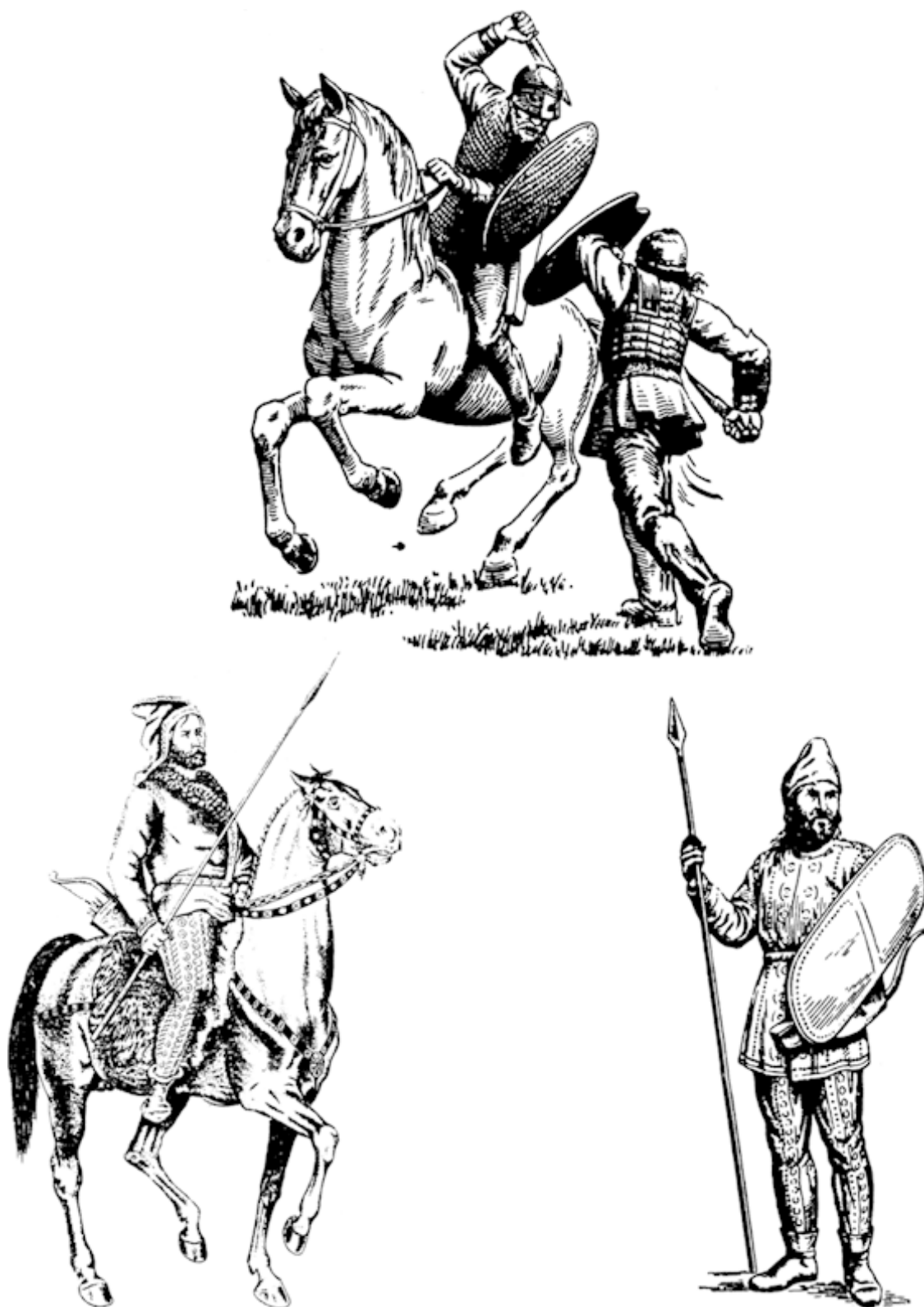
²⁰ Плиний Старший первым из римских авторов употребил термин «венеды» в своей «Естественной истории». Он поместил венедов в числе народов, обитавших восточнее Вислы, в стране «Эниггия», которая, по словам историка, «населена... сарматами, венетами, скирами, хиррами» (взгляд Плиния движется с востока на запад). Венеды, следовательно, жили между скирами, которые обитали тогда в верховьях Вислы, и сарматскими кочевьями, располагавшимися в Пруто-Днестровском междуречье. Далее Плиний ставит венедов в ряд «величайших» варварских племен своего времени. По сведениям Тацита, венеды занимали земли между свевами (германцами) на западе, певкинами на юге (в низовьях Дуная), сарматами на юго-востоке и финнами на северо-востоке. Птолемей говорит, что венеды – одно из крупнейших племен Европейской Сарматии, которому принадлежит все южное побережье Балтийского моря («Венетского залива»). Географические понятия того времени ограничивали Сарматию с запада рекой Вислой, с юга – Карпатами и Северным Причерноморьем, а с севера – Балтийским морем (восточные и юго-восточные ее пределы оставались вне поля зрения античных географов). Словом, связь римского этнонима «венеды» с территорией, на которой в начале н. э. обитали славянские племена, прослеживается со всей очевидностью.

Славяне и скифы

Около 750 г. до н. э. на Черноморском побережье возникли первые колонии ионических городов-метрополий. Очень скоро Понт Аксинский («негостеприимный») сменил свой эпитет на Эвксинский – «гостеприимный». Литературным следствием греческой колонизации Черного моря было появление первого историко-этнографического описания северной части ойкумены, принадлежавшее Геродоту (ок. 484–425 гг. до н. э.). Более десяти лет им владела «охота к перемене мест». За это время он объездил почти все страны Передней Азии и побывал в Северном Причерноморье. Геродот наблюдал и изучал обычаи и нравы чужих народов без тени расового высокомерия, с неистощимым интересом подлинного исследователя, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности», за что был причислен Плутархом (ок. 46 – после 119 г. н. э.) к «филоварварам» – любителям чужого, презираемым образованными людьми того времени.

К сожалению, исконно славянские земли остались совершенно неизвестными «отцу истории». Области за Дунаем, пишет он, «по-видимому, необитаемы и беспредельны». Он знает только одну народность, живущую севернее Дуная, а именно сигиннов, кочевое ираноязычное племя. Сигинны во времена Геродота заняли территорию почти по всему степному левобережью Дуная; на западе их земли простирались до владений адриатических венетов. Из этого можно заключить, что в V в. до н. э. области славянского расселения все еще находились к северу от почти непрерывной горной цепи – Рудных гор, Судет, Татр, Бескид и Карпат, – протянувшейся по Центральной и Восточной Европе с запада на восток.

Гораздо больше сведений Геродоту удалось собрать о Скифии и скифах.

Скифские воины

Скифы, в VIII в. до н. э. вытеснившие из Северного Причерноморья полулегендарных киммерийцев, вызывали живой интерес у греков по причине соседства скифских кочевий с греческими колониями в Крыму, снабжавшими хлебом Афины и другие эллинские города-государства. Аристотель даже упрекал афинян за то, что они целые дни проводят на площади, слушая волшебные повести и рассказы людей, возвратившихся с Борисфена (Днепра). Скифы

слыли по-варварски храбрым и жестоким народом: они сдирали кожу с убитых врагов и пили вино из их черепов. Сражались они как пешими, так и конными. Особенно славились скифские лучники, чьи стрелы были обмазаны ядом. В изображении образа жизни скифов античным писателям редко удавалось избежать тенденциозности: одни рисовали их людоедами, пожиравшими собственных детей, тогда как другие, наоборот, превозносили чистоту и неиспорченность скифских нравов и упрекали своих соотечественников за то, что они развращают этих невинных детей природы, приобщая их к достижениям эллинской цивилизации.

Помимо личных пристрастий, заставлявших греческих писателей выпячивать те или иные черты скифских нравов, правдивому изображению скифов мешало одно, чисто объективное затруднение. Дело в том, что греки постоянно путали скифов, принадлежавших к ираноязычным народностям, с другими народами Северного Причерноморья. Так, Гиппократ в своем трактате «О воздухе, водах и местностях» под именем скифов описал каких-то монголоидов: «Скифы походят только на самих себя: цвет кожи их желтый; тело тучное и мясистое, они безбороды, что уподобляет их мужчин женщинам»²¹. Сам Геродот затруднялся сказать что-либо определенное о преобладающем в Скифии населении. «Численности скифов, – пишет он, – я не мог узнать с точностью, но слышал два разных суждения: по одному, их очень много, по другому, скифов собственно мало, а кроме них живут (в Скифии. – С. Ц.) и другие народы». Поэтому Геродот называет скифами то всех обитателей причерноморских степей, то только один народ, господствующий над всеми другими. При описании образа жизни скифов историк также вступает в противоречие сам с собой. Его характеристика скифов как бедного кочевого народа, не имеющего ни городов, ни укреплений, а живущего в повозках и питающегося продуктами скотоводства – мясом, кобыльим молоком, творогом и т. п., тут же разрушается рассказом о скифах-пахарях, торгующих хлебом.

Скифский праздник. Пластина из Сахновки (р. Рось)

Это противоречие проистекало из того, что античные писатели плохо представляли себе политическое и социальное устройство степняков. Скифское государство, представлявшее собой конфедерацию собственно скифских родов, было устроено по образцу всех прочих коче-

²¹ «Монгольская» теория происхождения скифов была особенно популярна в конце XIX – начале XX в. А.А. Блок в своем известном стихотворении «Скифы» наделил этих кочевников «раскосыми очами», каковых у них в действительности никогда не было.

вых империй, когда одна сравнительно небольшая в численном отношении орда господствовала над чужеплеменными кочевыми ордами и оседлым населением.

Согласно Геродоту, главной скифской ордой были «царские скифы» – их самоназвание было «сколоты», которых историк называет самыми доблестными и наиболее многочисленными. Всех прочих скифов они считали подвластными себе рабами. Цари скифов-сколотов одевались с поистине варварской пышностью. На одежде одного такого владыки из так называемой Куль-Обской могилы близ Керчи было пришито 266 золотых бляшек общим весом до полутора килограммов. Кочевали сколоты в Северной Таврии. Восточнее, в соседстве с ними, жила другая орда, именуемая у Геродота скифами-кочевниками. Обе эти орды и составляли собственно скифское население Северного Причерноморья.

Скифия простиралась на север не очень далеко (днепровские пороги не были известны Геродоту), охватывая довольно узкую в то время степную полосу Северного Причерноморья. Но как любые другие степняки, скифы нередко отправлялись в военные набеги на своих близких и дальних соседей. Судя по археологическим находкам, они достигали на западе бассейна Одера и Эльбы, разоряя по пути славянские поселения. Территория лужицкой культуры подвергалась их нашествиям с конца VI в. до н. э. Археологами обнаружены характерные скифские наконечники стрел, застрявшие в валах лужицких городищ с внешней стороны. Часть городищ, относящихся к этому времени, хранит следы пожаров или разрушений, как, например, городище Вицин в Зеленогурском регионе Чехии, где помимо прочего найдены скелеты женщин и детей, погибших во время одного из скифских набегов.

Вместе с тем своеобразный и изящный звериный стиль скифского искусства находил множество поклонников среди славянских мужчин и женщин. Многочисленные скифские украшения на местах лужицких поселений свидетельствуют о постоянных торговых сношениях славян со скифским миром Северного Причерноморья.

Торговля велась, скорее всего, через посредников, так как между славянами и скифами вклинились известные Геродоту племена ализонов и «скифов-земледельцев», живших где-то по течению Буга. Вероятно, это были какие-то подчиненные скифам ираноязычные народности. Далее на север простирались земли невров, за которыми, по словам Геродота, «идет уже безлюдная пустыня». Историк сетует, что проникнуть туда невозможно из-за метелей и выюг: «Земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению». О самих неврах Геродот рассказывает с чужих слов и очень скупое – что обычаи у них «скифские» и сами они колдуны: «...каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик». Впрочем, Геродот добавляет, что не верит этому, и, разумеется, правильно делает. Наверное, в данном случае до него дошли в сильно искаженном виде сведения о каком-то магическом обряде или, быть может, обычае невров во время ежегодного религиозного праздника одеваться в волчьи шкуры. Высказывались предположения о славянской принадлежности невров, поскольку легенды об оборотнях-волкодлаках позднее были чрезвычайно распространены на Украине. Однако это маловероятно. В античной поэзии есть короткая строка с выразительным описанием невра: «...невр-супостат, в броню одевший коня». Согласимся, что невр, восседающий на бронированном коне, мало похож на древнего славянина, каким его рисуют античные источники и археология. Зато известно, что кельты были искусными металлургами, кузнецами и всадниками. Поэтому более естественно допустить кельтскую принадлежность геродотовских невров, связав их имя с названием кельтского племени нервиев (Nervii)²².

Такова Скифия и прилегающие к ней земли по сообщениям Геродота. В классическую эпоху Греции, когда сложилась и оформилась античная литературная традиция, скифы были

²² Присоединяюсь здесь к мнению О. Н. Трубачева. См.: *Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики* // Вопросы языкознания. 1982. № 4, 5.

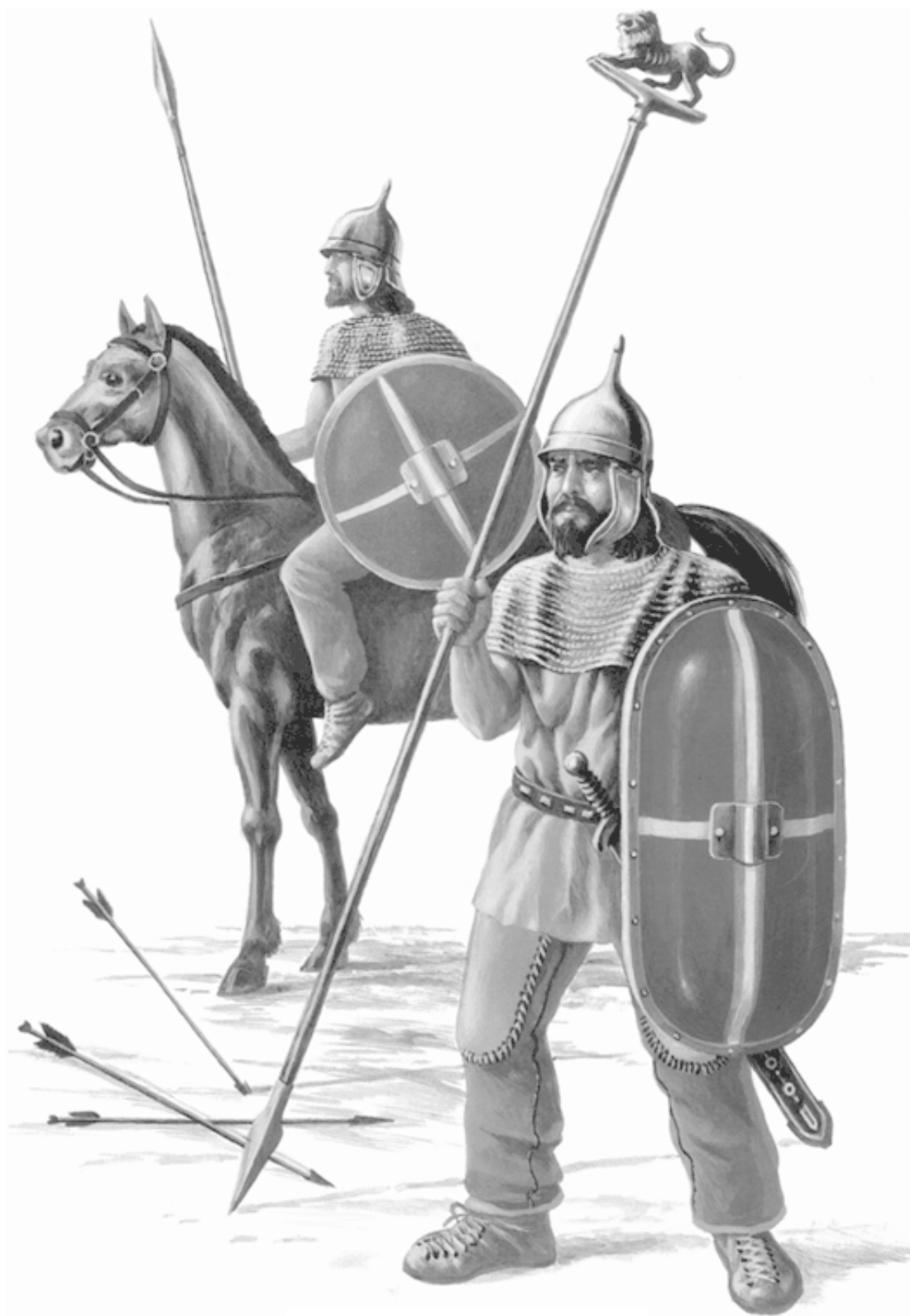
самым могущественным и, главное, наиболее известным грекам народом варварской Европы. Поэтому впоследствии имя Скифии и скифов использовалось античными и средневековыми писателями как традиционное название Северного Причерноморья и обитателей юга нашей страны, а иногда вообще всей России и русских. Об этом писал уже Нестор: славянские племена улучей и тиверцев «сediaху по Днестру, по Бугу и по Днепру до самого моря; суть грады их и до сего дня; прежде эта земля звалась греками Великая Скуфь». Характерно, что византийский историк X в. Лев Диакон в своем описании болгарской войны князя Святослава назвал русов их собственным именем – 24 раза, зато скифами – 63 раза, тавроскифами – 21 раз²³. Западные европейцы очень долго использовали эту традицию, именуя скифами жителей Московского государства даже в XVI–XVII вв.

Славяне и кельты

Со стороны юго-запада славяне были открыты кельтскому влиянию.

Кельтами (keltoi) эллины называли варварские племена Европы, которые начиная с V в. до н. э. тревожили своими набегами Италию и Балканы. Римляне знали их как галлов, подразумевая под этим именем народы, обитавшие к северу и северо-западу от реки По и отделенные от германцев Рейном и Дунаем.

²³ Сюзюмов М. Я., Иванов С. А. Комментарии к кн.: *Лев Диакон. История*. М., 1988. С. 182.

Галльские воины III–I вв. до н. э.

Кельтский этнос сформировался к VIII в. до н. э. в западном ареале культуры полей погребальных урн, на территории современной Австрии. В последующие два столетия кельты заселили Галлию, Британию и проникли в Испанию. Начиная с 500 г. до н. э. кельтские племена становятся постоянной головной болью цивилизованных народов Средиземноморья. В

V в. до н. э. они разгромили венетскую Адриатику, сровняли с землей этрусские колонии в долине реки По, на месте которых основали Милан, и в 390 г. до н. э. разграбили Рим. Другая кельтская волна прокатилась вдоль Дуная и его притоков. Вскоре здесь появились мощные кельтские крепости – Виндобона (на месте венетского поселения, будущая Вена), Аррабона (Дьер), Бойодурум (Пассау), Новиодунум (Дрново), Сингидунум (Белград) и др.

III в. до н. э. в Европе стал веком кельтов. Они считались крупнейшим варварским народом после персов и скифов. Их боевые качества внушали уважение и страх. Страбон сообщает, что кельты отличались вспыльчивостью, отвагой, готовностью в любой момент вступить в схватку. Поэтому их охотно нанимали на службу. Кельтские отряды находились в составе войск сиракузского тирана Дионисия Старшего, Александра Великого, Ганнибала.

Но эти воинственные люди, как свидетельствует тот же Страбон, вовсе не были неотесанными дикарями. Археология подтверждает его слова. Памятники кельтской культуры резко выделяются из современных ей европейских «варварских» культур высокой техникой обработки железа. Можно без преувеличения сказать, что кельтские кузнецы и металлурги заложили основы европейской металлургии. Они оставили после себя сыродутные железодельные горны, технику науглероживания, закаливания и сварки железа и стали, более семидесяти видов кузнечного и слесарного инструмента, изобретенные ими дверные замки и ключи, ножницы и кочергу. Правда, сравняться со средиземноморскими металлургами кельтским мастерам все же не удалось. По словам Плутарха, «плохо выкованные, тонкие железные мечи галлов легко гнулись и ломались...». В искусстве кельты творчески переработали этрусские и греческие мотивы и создали свой неповторимый стиль.

Грекам и римлянам пришлось вступить в смертельную схватку с кельтами, чтобы отстоять свою независимость. В начале III в. до н. э. кельты обрушились на Македонию и Грецию. Под руководством своего вождя Бренны, оставившего истории свое знаменитое «горе побежденным», они, опустошая все кругом, в 279 г. до н. э. достигли Дельф, где, однако, в жестоком бою потерпели поражение от греков. С той поры солнечный Аполлон, которому было посвящено дельфийское святилище, стал еще и вечным символом победы цивилизации над варварством. В свою очередь римляне в 225 г. до н. э. отразили нападение кельтов на Рим, а четверть века спустя, после победы над Ганнибалом, очистили от кельтских поселенцев долину По, окончательно обезопасив себя от беспокойных северных соседей.

Галльский воин III–I вв. до н. э.

Но воинственная ярость кельтов не утихла. Одна группировка племени галатов около 270 г. до н. э. прорвалась в Анатолию в районе современной Анкары и осела в области, получившей от них имя Галатии. Другая устремилась на восток и достигла западных районов Украины и Бессарабии – память о них сохранилась в названиях Галич, Галиция, Галичина. Между тем войска Бренны отошли из Греции на север и обосновались в Подунавье, в междуречье Савы и Моравы. Здесь возникло сильное государство скордисков с центром в Сингидунуме, которому подчинялась часть фракийских и иллирийских племен. На последнем всплеске агрессивности в конце III – начале II в. до н. э. часть кельтских племен пересекла Судеты и, оторвавшись от основного кельтского массива, поселилась в Силезии, а также в верховьях Вислы, где вошла в непосредственное соприкосновение со славянами. По подсчетам польских археологов, в Силезии и Малой Польше²⁴ проживало около 10 000 кельтов. Здесь они вели себя спокойнее,

²⁴ Малая Польша – историческая область Польши в бассейне верхней и средней Вислы. В конце X в. здесь образовалось княжество вислян с центром в Кракове.

не строили мощных крепостей и довольно легко смешивались с местным населением. Видимо, на их миролюбивом поведении сказалась изоляция от сородичей. Но их культурное превосходство было настолько велико, что даже эти немногочисленные колонисты оставили мощный пласт в славянской культуре.

Воздействие кельтов было чрезвычайно многогранным. Оно запечатлелось буквально на всех видах славянских бытовых изделий – от украшений и принадлежностей одежды до оружия. Глубокое влияние прослеживается в сфере духовной культуры и в языке²⁵.

Кельтский шлем

К началу христианской эры немногочисленная группировка кельтов растворилась в славянском населении. Но их культурный опыт (прежде всего в металлургии) не пропал и был творчески усвоен славянами. В соседних районах повсеместно развивались специализированные центры по добыче и обработке железа и изготовлению гончарной посуды (хотя лепная

²⁵ Следы кельтского влияния обнаруживаются даже в раннесредневековых древностях славян. Так, остатки языческого культового сооружения IX–X вв. в Гросс-Радене (округ Шверина) и подобного ему храмового строения VII–VIII вв. в Фельберге (округ Нойбранденбург) находят аналогии в кельтском культовом строительстве. Немецкий писатель XII в. Гельмольд сообщает, что бог Прове славянского племени вагров стоял на большом дубе, около которого на земле были расставлены около тысячи идолов с тремя лицами и больше. Трехликие божества характерны именно для религиозных представлений кельтов: Проксима – богиня рода, Дервона – фея дубовой рощи, Нискья – богиня воды и др. С человеческими жертвоприношениями у галлов римляне боролись больше столетия – до первых десятилетий императорской эпохи. Еще Цезарь писал, что «кельты – рабы суеверий», которые, дабы сохранить в битве свои жизни, приносят перед сражением в жертву пленников или рабов. Страбон рассказывает о жестоких обрядах кельтских жрецов-друидов: «...несчастных жертв могли убивать стрелами, сажать на кол в храмах или сооружать из деревьев и соломы колосс, бросать туда домашний скот, всевозможных диких животных и людей и сжигать все это в качестве подношений». Под давлением римлян, запрещавших человеческие жертвоприношения, друиды выработали компромиссный обряд сожжения чучела в день летнего солнцестояния, сохранившийся во Франции до времен «короля-солнца» Людовика XIV. Вообще обряд сожжения соломенного чучела в день Ивана Купалы стойко держался впоследствии именно в ареале древнейшего расселения кельтских племен, а также у славян.

посуда преобладала). В одном только Свентокшицком районе современной Польши, где в античную эпоху особенно процветала добыча железа, археологи открыли 95 металлургических комплексов, насчитывающих свыше 4000 сыродутных горнов. Продукция древних славянских металлургов удовлетворяла не только местные нужды, но и экспортировалась в римские провинции. Кельтское влияние сказывалось в похоронном обряде: хотя в целом он продолжал славянскую традицию захоронения кремированных покойников в могильных курганах, однако изломанные наконечники копий, лезвия кинжалов, мечей указывают на связь с похоронным ритуалом кельтов, которые подобным образом «умерщвляли» принадлежавшее покойному оружие.

Славяне и сарматы

Обратимся теперь опять к Северному Причерноморью. В III в. до н. э. сюда пришли новые хозяева – сарматы. Это были ираноязычные кочевники, которые прежде обитали в степях между Доном и Туркестаном, но затем, испытывая сильное давление со стороны тюрков, начали отток на запад, потеснив, в свою очередь, скифов. После упорной борьбы в первой половине II в. до н. э. Скифское царство прекратило свое существование. Часть скифов осталась кочевать в Северной Таврии, признав власть сарматов, остальные ушли на правобережье Дуная в район Добруджи – эта территория стала именоваться античными авторами Малой Скифией.

Сарматы жили в войлочных кибитках, питаясь мясом и молоком. Отличительной чертой их наружности были длинные рыжеватые волосы. Римский историк Аммиан Марцеллин (вторая половина IV в.) находил внешность сарматов «симпатичной», даже несмотря на то, что «свирепостью своего взгляда они внушают страх, как бы они ни сдерживались».

Сарматская орда представляла собой грозную военную силу. Иранский мир в то время переживал военно-политический подъем. В Передней Азии нарастала мощь Парфянского царства²⁶. Римская пехота оказалась бессильной перед тяжелой кавалерией парфян.

²⁶ Парфянское царство – государство, образованное парфянами (парнами), иранским кочевым народом, вторгшимся в начале II в. до н. э. в государство Селевкидов. В дальнейшем парфяне распространили свою власть на Месопотамию и Бактрию и превратили Армению в вассальное царство. Последний парфянский царь Артабан V погиб в 226 г.

Сарматские воины

Сарматская конница была вооружена по образцу парфянской. Ядро и цвет войска составляли всадники из знатных родов, облаченные в железные шлемы и панцири, оружием им служили мечи и копья. Прочие сарматы нашивали себе на халаты роговые пластины, искусно нарезанные из конских копыт. В бою тяжеловооруженные знатные всадники становились в центре боевого порядка, а их легковооруженные сородичи на флангах. Тацит замечает, что остановить напор сарматской кавалерии можно было только на пересеченной или заболоченной местности или при неблагоприятных для конницы погодных условиях – например, в дождливый день, когда сарматские кони могли поскользнуться под тяжестью закованного в броню всадника. Огромное преимущество перед римской конницей давало сарматам использование стремян, благодаря которым они крепче держались в седле (правда, сарматские стремяна были, как правило, не железные, а кожаные).

Еще большее значение имела та система ценностей, которой придерживались сарматы и которая ставила убийство и разрушение в разряд высочайших доблестей. Аммиан Марцелин пишет об аланах, одном из племен, входивших в состав сарматской орды: «То наслаждение, которое добродушные и миролюбивые люди получают от ученого досуга, они обретают в опасностях и войне. Высшим счастьем в их глазах является смерть на поле боя; умереть от старости или несчастного случая для них позорно и является признаком трусости, обвинение в которой страшно оскорбительно. Убийство человека – это проявление героизма, которому нет и достойной хвалы. Наиболее славным трофеем являются волосы скальпированного врага; ими украшают боевых коней. У них не найдешь ни храма, ни святилища, ни даже крытой соломенной ниши для алтаря. Обнаженный меч, по варварскому обычаю вонзенный в землю, становится символом Марса, и они набожно поклоняются ему как верховному владыке тех земель, по которым проходят». Этому мировоззрению суждено было стать господствующим на протяжении нескольких столетий.

Характерной особенностью общественного устройства сарматов было высокое положение женщин, которые зачастую возглавляли племена, исполняли жреческие функции и сражались наравне с мужчинами. В археологической зоне сарматских кочевий (на смежных терри-

ториях России и Казахстана, на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье) встречаются курганные захоронения женщин с доспехами, боевым оружием и с конской сбруей. По всей видимости, сарматский род на этапе разложения родового строя был еще материнским, и счет родства велся по женской линии. Поэтому античные писатели часто называли сарматов «женоуправляемым» народом. Эта черта их общественного быта привела к возникновению мифа об амазонках. По словам Геродота, сарматы происходили от браков скифских юношей с легендарными женщинами-воительницами, чем якобы и объясняется, почему сарматские женщины ездят верхом, владеют оружием, охотятся и выступают на войну, носят одинаковую с мужчинами одежду и даже не выходят замуж, пока в бою не убьют врага.

В политическом отношении сарматская орда была конфедерацией нескольких родственных племен. В первые десятилетия после Рождества Христова наиболее глубоко на запад – в паннонские степи – вклинились язиги; между Доном и Днестром кочевали роксоланы («светлые аланы»), еще дальше на восток – аланы (или асы, «ясы» нашей летописи, предки осетин). При первых римских императорах язиги и роксаланы перешли Дунай и вторглись в Мезию; император Адриан (117–138) должен был выплачивать им ежегодную дань.

В дальнейшем борьба велась с переменным успехом. Сцены военного торжества римлян над сарматами изображены на барельефах триумфальной колонны императора Марка Аврелия (161–180). Наиболее ожесточенные войны на сарматском фронте империи пришлось вести в последние десятилетия III в., при императорах Аврелиане и Пробе, которые за свои победы над степняками получили один и тот же титул – «Сарматский». Готы и гунны положили конец владычеству сарматов в Северном Причерноморье, но их последняя волна – аланская орда – докатилась до Балтики, Испании и Северной Африки, правда, уже в союзе с другими варварами, вандалами и свевами.

В III в. сарматские вторжения нанесли тяжелый урон Среднему Поднепровью. Но о непосредственных славяно-сарматских контактах источники умалчивают. Это дает основание считать, что в судьбах славян античные сарматы сыграли незначительную роль, хотя, быть может, и несколько большую, нежели скифы. В сарматскую эпоху иранский и славянский миры двинулись навстречу друг другу, но подлинной взаимооплодотворяющей культурной встречи тогда не произошло. Сарматские кочевья располагались несколько выше по Днепру, чем скифские, и, возможно, соседствовали с восточной группировкой славянских племен, продвинувшихся к тому времени к верховьям Днестра. Высказывались предположения, что главный сарматский город, или, скорее, лагерь, известный грекам под названием Метрополиса, мог стоять на месте нынешнего Киева – эта догадка, впрочем, не подтверждается археологически²⁷. Сарматское давление, а значит, и влияние испытывала только окраина славянского мира. Поэтому в культурно-историческом смысле сарматское владычество в причерноморских степях было столь же бесплодным, как и скифское. Память о нем сохранилась только в имени Сарматия, используемом античными и средневековыми писателями для обозначения Восточной Европы наряду со Скифией, и в некотором количестве иранизмов в славянском языке. Заимствовать у сарматов славянам было, собственно, нечего. Показательно, например, что металлурги Среднего Поднепровья, несмотря на географическую близость к сарматским кочевьям, ориентировались исключительно на кельтское железоделательное производство.

Этнокультурное слияние некоторых восточнославянских племен с потомками сарматов на юге России произойдет значительно позже, в VII–VIII столетиях, во время активной славянской колонизации Поднепровья и Подонья, о чем будет сказано ниже.

²⁷ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). 2-е изд., испр. СПб., 1999. Т. 1. С. 61.

Славяне и германцы

Германцы, подобно славянам, поздно выделились этнографически в глазах античных людей из окружающей массы варварских племен. Собственно говоря, их существование как самостоятельного этноса, отдельного от кельтов, впервые письменно зафиксировал Посидоний (135–51 гг. до н. э.). В середине I в. до н. э. авторитет Цезаря ввел этноним «германцы» в литературную традицию, а спустя столетие обстоятельное этнографическое описание «Германии» сделал Тацит.

Достоверные археологические свидетельства о германцах не уходят глубже VII в. до н. э. (ясторфская культура на территории Ютландии и прилегающих к ней земель). В этническом отношении германцы, как показывают последние генетические исследования, обнаруживают весьма значительное смешение с доиндоевропейским населением Центральной и Северной Европы. Примерно в III в. до н. э. часть ясторфских племен продвинулась на правобережье Одера и дальше на восток, где, видимо, ассимилировала часть венетского населения. В результате этого смешения сформировалась специфическая ветвь восточных германцев, представленная готами и другими германоязычными племенами, позднее переселившимися в Северное Причерноморье.

Народное собрание у германцев

Во времена Цезаря большинство германских племен еще не перешло к полной оседлости, важную роль у них играло скотоводство. Земля всецело принадлежала общине, а земледелие было примитивным. Кое-как взрыхлив землю и собрав скудный урожай, племя на следующий год переходило с этой территории на новый участок. «Записки о Галльской войне» Цезаря свидетельствуют, что германцы питались в основном не хлебом, а молоком, сыром и мясом. Племенные вожди играли выдающуюся роль только во время войны.

Но столетие римского соседства не прошло даром, и в «Германии» Тацита германские племена в массе своей предстают уже оседлыми, живущими в поселениях, деревнях, на хуторах. Земледелие становится основным занятием, германцы старательно расчищают пустоши,

вырубают леса. У них имеются тяжелый плуг и неплохие познания в кузнечном, гончарном и ткацком ремесле. Родовая знать старается присвоить лучшие земли и использует труд большого числа рабов.

Тем не менее родовой быт по-прежнему пронизывал всю общественную жизнь германцев. На войне родичи сражались плечом к плечу. Родовая месть была узаконена обычаем, уклонение от нее считалось позорным. На племенных собраниях заключались браки, происходили инициации молодежи, разбирались судебные дела.

Древнегерманские племена не имели собственного общего для всех самоназвания. «Германцы» – это не что иное, как псевдоэтноним. Первоначально германцами галлы называли одно из зарейнских племен и познакомили с этим названием римлян, которые перенесли его на все народы, обитавшие между Рейном и низовьями Дуная – таковы были границы античной Германии. Иначе говоря, для римских писателей германцами были все, кто не походил на кельтов (галлов) и ираноязычных кочевников (сарматов). Поэтому в германцы были поверстаны и многие славянские племена²⁸.

Причислению славян к германцам в немалой степени способствовало то обстоятельство, что те и другие зачастую вступали в военно-политические союзы. По словам Тацита, германские (то есть вообще варварские) племенные дружины постоянно пополнялись воинами из соседних племен. «Если племя, – пишет он, – в котором они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну...» Подобно германцам, славяне (у Тацита – венеды) отнюдь не отличались миролюбием. Тацит свидетельствует, что они «много усвоили из их (германских. – С. Ц.) нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами», то есть земли между Дунаем и Восточной Прибалтикой.

Как явствует из слов историка, германские воины часто примыкали к славянам в их военных набегах на соседние земли. Любое варварское войско состояло в то время из двух частей: княжеской дружины и племенного ополчения. Главными доблестями дружинника считались преданность вождю и личная храбрость. По сути, это были профессиональные военные, каких в каждом племени было не так уж много. Поэтому дружинники зачастую набирались среди соседних племен, и бывало, что инородцы преобладали численно в дружине над сородичами князя. Германцы славились как отважные воины (Цезарь писал, что галлы настолько боялись своих восточных соседей, что не могли бестрепетно выносить даже одного их «острого взора»), и не вызывает сомнений, что они были широко представлены в дружинах славянских князей. Очевидно, их присутствие в славянских войсках, да еще в непосредственной близости к вождям, играло не последнюю роль в отождествлении германцев и славян в римской традиции, облегчая для последней головоломную классификацию бесчисленных варварских племен, появлявшихся возле римского лимеса примерно из одного и того же географического пространства. Мы уже знаем, как легко тогда было попасть в скифы; точно так же обстояло дело и с германцами. С другой стороны, германские дружины, разумеется, могли пополняться за счет славянских воинов.

Затем примем во внимание, что славяне (венеды), по выражению Тацита, «обезображивали» себя смешанными браками. Это значит, что славянские мужчины брали себе в жены германских женщин: «обезображивали» себя – то есть именно женились, а не выдавали замуж своих дочерей²⁹. Дети от таких смешанных браков, разумеется, вырастали славянами по языку

²⁸ Очень показателен в этом отношении отзыв Тацита о венетах. Римский историк причислил их (заодно с певкинами и финнами) к германцам лишь на том основании, что на кочевников-сарматов они похожи еще меньше. Из этого видно, что термин «германцы» в его устах – этнографический в самом широком смысле, так как народы в его сочинении классифицируются преимущественно по образу жизни и очень редко по языку и действительно установленному этническому родству или, наоборот, различию.

²⁹ Действительно, в расовом отношении средневековые германцы представляют более однородную группу, нежели сла-

и культуре; но по распространенному у всех варваров обычаю детям, родившимся от иноплемennых матерей, давали имена из именника того народа, к которому принадлежала их мать. Это важно помнить, сталкиваясь с обилием германских имен в античных и раннесредневековых источниках.

Смешение славян и германцев приобрело особый размах в эпоху Великого переселения народов, когда значительная часть славянских племен покинула висло-одерские земли, чтобы принять участие в германском штурме Гесперии – Западной Римской империи.

вяне. Что касается последних, то ближе всех к германцам в антропологическом отношении стоят средневековые хорваты (см.: *Алексеева Т. Н.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // *Вопросы истории.* 1974. № 3). Первоначальная область поселения хорватов, откуда они затем переместились южнее и восточнее, находилась в соседстве с землями, занимаемыми германскими племенами. Франкские источники отмечают, что хорваты издревле обитали за «Багиварией» – Баварией.

Германский воин

Славяне и Римская империя

Из-за Дуная на славянский мир активно воздействовала древнеримская цивилизация. Керамика раннесредневековых славянских культур Подунавья все еще изготовлялась в точном соответствии с римскими мерами жидкостей и сыпучих тел. Из северодунайских провинций империи славяне заимствовали развитые формы земледелия. В местах славянских поселений

находят сравнительно короткие мечи, подобные римским гладиусам. Культурное взаимовлияние между славянами и латиноязычным населением римских провинций зафиксировано и в языковой сфере. Все это свидетельствует о весьма длительном и плодотворном соприкосновении славян с античной цивилизацией. Разумеется, речь идет только о племенах, живших вдоль римского лимеса – системы пограничных укреплений; далее на север античное влияние не проникало.

Римляне даже с трудом отличали славян (венедов) от более известных им народов – германцев и сарматов. Хрестоматийным примером в этом отношении является Тацит, который хотя и выделил венедов (висленских славян) в отдельную народность, наряду с германцами, певкинами (племенем не совсем ясной этнической принадлежности, занимавшим левобережье Нижнего Подунавья) и сарматами, но, колебавшись, причислил их все-таки к германцам, поскольку они «и дома строят, и носят большие щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты – это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне».

В противоположность ему Певтингерова карта (*Tabula Peutingeriana*) – дорожник III или IV столетия, сохранившийся в единственной средневековой копии, – поселяет северо-восточнее Карпат и в Поднестровье «венедов-сарматов». Кроме того, в ряде географических названий, сгруппированных главным образом в среднем и нижнем течении Дуная, можно усмотреть искаженные славянские слова. Таковы, например, *Bersovia* (ср. совр. река Брзава), *Tierna* (ср. совр. река Черна), *Ulka* (ср. «волк»), *Urbate* (ср. «верба») и т. д.³⁰

Как видно, в своей классификации варварских народов позднеантичный географ руководствовался какими-то иными соображениями, нежели Тацит. Впрочем, римских историков и географов смущало не столько действительное этнографическое сходство между славянами, германцами и сарматами, сколько их общая принадлежность к необъятному и единоликому варварскому миру.

Не зная общеплеменного самоназвания славян и с трудом отличая их от германцев и сарматов, древнеримские авторы тем не менее невольно скользнули взглядом по многим славянским племенам и даже в искаженном виде зафиксировали их племенные этнонимы. Например, Тацит и другие историки помещают к северу от гор, окаймляющих Богемию (современную Чехию), «германское» племя лугиев. Аугии отмечены и у Страбона: «большое племя луйев». Территория обитания лугиев совпадает с ареалом лужицкой культуры, в связи с чем «мы можем считать лугиев такими же предками славян, как и венедов»³¹. Действительно, в средневековых немецких хрониках эти лугии становятся лужичанами – славянским племенем, живущим «в лугах». То же можно сказать о варнах, или варилах, – это племенное название находит объяснение только в языке поморских славян, где «варн» произносилось вместо «вран», «ворон». Память о них хранит река Варнова. К северу от Богемии Страбон упоминает племена колдуев и мугилонов – этнонимы явно славянские, сохранившиеся до позднейших времен в названиях коледичей (ветви полабских сербов) и Могильна – города лужичан³².

Этнографическая проверка Тацитовых «германцев» в Висло-Одерском междуречье, проведенная немецкими монахами, католическими миссионерами XI–XIII вв., способствовала славянизации и множества других античных «германских» племен. Перейдя из мира античной литературной традиции в реальный этнографический мир Польского Поморья, немецкие средневековые писатели уточнили сведения классических авторитетов: не германцы, а славяне. Так, античные вельты сделались велетами, гелизии – геленсичами, хатты – хуттичами, дидуны – дедошанами, семноны – земчичами и т. д.

³⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 49.

³¹ Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры о докладах и исследованиях. 1940. Вып. VI. С. 5.

³² Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1855. Часть первая. Гл. IV. http://krotov.info/libr_min/04_g/il/ferding.htm

Помимо культурных контактов на границах провинций римляне могли познакомиться со славянами во время военных конфликтов за границами дунайского лимеса. Здесь можно выделить три эпизода. Во время маркоманских войн, которые в 160 – 170-х гг. вел в Подунавье император Марк Аврелий, римлянам пришлось столкнуться с мощным племенным объединением северных варваров, куда помимо маркоманов входили квады, варисты, гермундуры, свевы, лакринги, бурей, виктуалы, созибы, сикоботы, бастарны, певкины и костобоки. Название последнего племени звучит как славянская нота в этой варварской какофонии. Заслуживает внимания и то, что римские источники ставят в этом перечне костобоков рядом с певкинами, которых Тацит называет соседями венедов. Впрочем, утверждать наверняка здесь ничего нельзя.

Второй эпизод относится к середине III в., когда империей правил Волузиан. Римские авторы сообщают, что он одержал победу в Нижнем Подунавье над конгломератом «скифских» племен. Но показательно, что сенат преподнес ему титул не «Скифский», а «Венедский», что указывает на пребывание славян в это время по крайней мере в Поднестровье, в полном согласии с данными Певтингеровой карты («венеды-сарматы»).

Наконец, в тот же III в. отсылает нас одна старинная чешская легенда, записанная в 1767 г. францисканским монахом Прокопом Слободой. В ней говорится, что где-то в конце III столетия (Прокоп даже называет точную дату – 278 г.) славяне, жившие тогда в области Крапины (бассейн реки Дравы), терпели великие притеснения от начальника римских войск в Паннонии и Иллирии Аврелия. В конце концов, когда угнетение стало невыносимым, знатный славянский вельможа Чех со своими братьями Аяхом и Русом поднял восстание против Аврелия и убил его. Затем, опасаясь мести римлян, он увел славян на новые земли, к северу от Дуная, которые и сделались второй родиной чешского народа.

Эта легенда имеет довольно точное историческое соответствие. В 276 г. римские легионы, стоявшие в Иллирии, провозгласили императором иллирийца Аврелия Проба. «Он обладал большими познаниями в военном деле, – пишет римский историк IV в. Аврелий Виктор, – и был прямо вторым Ганнибалом по умению закалять молодежь и давать различные занятия воинам. Ибо подобно тому, как тот засадил огромные пространства Африки оливковыми деревьями, применяя труд воинов, безделье которых казалось опасным и ему и властям, таким же образом Проб засадил виноградниками Галлию, Паннонию и холмы Мезии», то есть современную Францию, Венгрию, юг Румынии и север Болгарии. Однако солдатам пришлось не по душе эти сельскохозяйственные занятия, и когда в 282 г. Проб приказал им рыть ров и водоемы для осушения болотистой местности около города Сирмия в Паннонии, они взбунтовались и убили его. Сирмий располагался в районе реки Савы, по соседству с Крапиной, а дата гибели Аврелия Проба – 282 г. – всего на четыре года расходится с той, которую называет Прокоп.

Все это позволяет заключить, что славяне начали вторжения на территорию империи задолго до эпохи Великого переселения народов, хотя, по всей вероятности, еще не претендовали на самостоятельную роль в варварских союзах.

Вследствие этого римляне обращали на них мало внимания. Для античной историографии варварский мир был отталкивающе чуждым и, как следствие, внеисторичным. Правда, именно римские писатели перенесли имя венетов на славян, но в этнографических описаниях Средней Европы и Северного Причерноморья они прибавили мало нового к тому, что было известно уже грекам.

Почтенная литературная традиция в изображении варваров зачастую брала верх даже над личными наблюдениями и впечатлениями, как это можно видеть, например, у Овидия. Мы могли бы иметь в ссыльном поэте один из достовернейших источников по истории и этнографии Северного Причерноморья, если бы он непостижимым образом не предпочел опереться в описании природы и населения этого края не на собственные наблюдения, а на литературный авторитет Вергилия, который, в свою очередь, поэтически обработал классический отрывок из

«Истории» Геродота о скифах. Впрочем, Страбон жаловался на чисто физические трудности, с которыми приходилось сталкиваться исследователю этих районов: страны там холодные и бедные, говорит он, а жители их, свирепые и дикие, чрезвычайно неприязненно относятся к иноземцам. Область обитания славянских племен продолжала оставаться для римлян, как и для греков, *terra incognita* (неизвестной землей), суровой пустыней, которую покинули люди и боги³³.

Славяне и античное христианство

В I столетии н. э. христианство стремительно распространяется по римским провинциям. Согласно Евангелию, миссия апостольской проповеди была возложена Иисусом Христом на двенадцать ближайших свидетелей его жизни и на семьдесят учеников, провозвестников его учения в тех городах, которые намеревался посетить Спаситель (Ак., 10: 1). Апостол Петр первым допустил язычников к святому крещению, а апостол Павел начал проповедовать учение Христа всему миру. О деятельности остальных апостолов сохранились не столь определенные известия, хотя все они, как свидетельствует церковная традиция, ревностно исполнили возложенное на них самим Спасителем поручение.

Входили или нет славяне в число народов, просвещенных учениками Христа?

Пожалуй, самый любопытный ответ на этот вопрос дает «Повесть временных лет», где имеется три взаимоисключающих мнения на этот счет. Так, автору летописной повести об убийстве варягов-христиан (статья под 983 г.) и сказания о крещении киевлян в 988 г. было совершенно ясно, что «здесь (то есть в Русской земле. – С. Ц.) не учили апостолы, не пророчествовали пророки... телом апостолы суть здесь не были».

Тем не менее автор или редактор другого фрагмента – о переложении святым Мефодием «всех книг с греческого языка на словенский» – проявил тенденцию вывести русское христианство прямо из апостольских времен. Назвав славянского первоучителя Мефодия «настоликом Андрониковым» (апостол из числа 70-ти), он со страстной убежденностью продолжил: «Словенску языку учитель есть Андроник апостол, ибо ходил в Моравы; и апостол Павел учил тут, в Иллирике, где словене жили изначально. Так что и словенску языку учитель есть Павел, а от этого языка ведем происхождение и мы, Русь, так что и нам, Руси, учитель есть Павел».

Наконец, сказание о хождении апостола Андрея приводит первого Христова ученика прямехонько на киевские горы, а оттуда в Новгород, заставляя его исходить своими стопами всю Русскую землю с юга и до самого севера.

Впоследствии на Руси утвердилось именно последнее мнение о преемственности русского христианства от апостольского по линии апостола Андрея. Но прямых исторических свидетельств в его пользу нет.

Канонические сведения об Андрее исчерпываются краткими замечаниями двух евангелистов. По Матфею, он был галилеянином и братом апостола Петра (Мф., 4: 18–20); по Иоанну (Ин., 1: 35, 40–42) – одним из учеников Иоанна Крестителя, еще раньше Петра призванным Христом на Иордане (откуда и прозвище Первозванный). Но умолчание Книги деяний апостольских о судьбах всех двенадцати ближайших учеников Христа, за исключением апостола Павла, только способствовало появлению многочисленных апокрифов, подробно излагавших историю трудов и подвигов апостолов из числа как 12-ти, так и 70-ти. Уже во II в. возник целый цикл сказаний о проповеди апостолов Петра, Андрея и Матфея в стране легендарных антропофагов, или мирмидонян.

Наряду с пространными, в духе приключенческого романа, повествованиями о путешествиях апостолов в эпоху поздней Античности появились краткие известия, выдержанные в

³³ Овидий. Тристихи. IV, 4, 38.

форме списков или каталогов. Все они, впрочем, восходили к древнейшим апокрифам и их позднейшим церковным переделкам. Единственный отголосок самостоятельного церковного предания встречается у Евсевия Кесарийского, который пишет: «Когда святые апостолы и ученики Спасителя Нашего рассеялись по всей вселенной, то Фома, как содержит предание, получил в жребий Парфию, Андрей – Скифию... Это сказано слово в слово у Оригена в третьей части его толкований на Бытие». Предание, записанное Оригеном, можно датировать концом III – началом IV в., что позволяет видеть в нем источник, независимый от апокрифических сказаний. Здесь впервые имя Андрея оказывается связанным со Скифией, которую, впрочем, следуя географическим ориентирам текста, должно поместить скорее в Прикаспийский, чем в Причерноморский регион.

Все эти разнообразные известия в VIII–IX столетиях послужили источниками к составлению бесчисленных «деяний», «похвал» и «житий» апостолов. В этих новых сочинениях миссионерская деятельность апостола Андрея частично захватывает уже таврическую Скифию. У монаха Епифания (конец VIII – начало IX в.) Первозванный апостол из кавказских стран через Керченский пролив приходит в Боспор, посещает крымские города Феодосию и Херсонес, откуда затем возвращается морем в Синоп. В этом же сочинении, между прочим, не раз фигурирует животворящий крест, которым апостол отмечает места своего пребывания и который впоследствии в русском сказании будет воздвигнут на берегах Днепра.

Позднейшие греческие авторы отводят апостольской миссии Андрея еще более обширную область севера. Так, Никита Пафлагонянин (конец IX – начало X в.) в похвале святому Андрею уверенно перечисляет следующие народы и страны: «Получив в удел север, ты обошел иверов и сарматов, тавров и скифов, всякую страну и город, которые лежат на севере Евксинского Понта... Итак, обняв благовестием все страны севера и всю прибрежную область Понта... он приблизился к оной славной Византии». Теперь и этнографическая терминология апокрифов, унаследованная от классической древности, стала прилагаться именно к южным пространствам России. Уже в VI в. Иоанн Малала подразумевал под мирмидонянами-антропофагами азовских булгар. А для Льва Диякона, жившего в X столетии, мирмидоняне – это предки росов-тавроскифов.

Интерес греческих писателей к апостолу Андрею был вызван двумя причинами. Во-первых, все более углубляющийся разрыв между Римской и Константинопольской церквями побуждал византийское священство изыскивать аргументы в пользу своей равночестности римской иерархии. Ведь папы, формально признавая греческую теорию пентархии (существования пяти истинных патриархов, включая Константинопольский), решительно отрицали претензии Константинополя на второе место в христианском мире. Папа Николай I (IX в.) писал болгарскому царю Борису, что хотя Константинополь и зовет себя «новым Римом», однако же апостолы не учреждали там кафедр и патриархом он может числиться разве только по политическим соображениям. Поэтому подчеркивание патроната святого Андрея – старшего брата Петра и первого по времени ученика Христа – над византийскими землями превращало Константинопольскую кафедру в подлинную *Sedes apostolica* (кафедру, учрежденную апостолом), не меньшую, а, пожалуй, большую Римской.

Другой целью возвеличивания святого Андрея было обеспечение церковного приоритета Константинополя над всеми восточными церквями, уже существующими, а также могущими возникнуть в будущем, – и эта цель достигалась путем утверждения взгляда на Андрея как на апостола всего Востока. У монаха Епифания есть эпизод, в котором Петр и Андрей бросают жребий и Петру выпадает в удел просвещать западные страны, а Андрею – восточные (включая северные области Понта).

Таким образом, обзор «андреевской» литературы не позволяет отнести сведения о посещении апостолом «северных» стран к числу достоверных³⁴. Все подробности его странствий сообщают нам не очевидцы, а гораздо более поздние авторы, чьи сочинения к тому же не свободны от определенной идеологической направленности. Но главное, Андрей не мог быть первоучителем славян по той причине, что последние в I в. н. э., как мы уже убедились, не имели ничего общего с причерноморскими «скифами».

С точки зрения географического соприкосновения маршрутов путешествий апостолов с областью тогдашнего славянского расселения несколько большего внимания заслуживает упоминание летописью имен Павла и Андроника. Жизненный путь обоих апостолов оказался в той или иной степени связанным с придунайскими землями – Иллирией, Паннонией, Нориком, то есть с теми областями, которые очень скоро вошли в ареал славянского расселения. Но ничего определенного и в этом случае утверждать нельзя. Павел, по церковному преданию, объездил Малую Азию, Испанию, Британию, Италию, а значит, мог побывать и в Подунавье, однако никаких точных данных на этот счет нет. Андроник, его ученик, был епископом города Сирмия на реке Саве. Впрочем, присутствие здесь славян ранее II в. маловероятно.

³⁴ Карташев А.В. История Русской церкви: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 48–62.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.